

Центр проблемного анализа
и государственного-управленческого проектирования

**Сравнительный анализ
государственного управления
переходными социально-
экономическими системами:
Россия–Китай**

*Материалы постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 7 (37)

Москва
Научный эксперт
2010

УДК 316.444.5:35.08

ББК 60.543.132.2

С 69

Научный руководитель семинара:

В.И. Якунин, доктор политических наук

Соруководители семинара:

А.И. Соловьев, доктор политических наук, профессор;

С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук, профессор

С 69 Сравнительный анализ государственного управления переходными социально-экономическими системами: Россия–Китай. Материалы научного семинара. Вып. 7(37). — М.: Научный эксперт, 2010. — 136 с.

ISBN 978-5-91290-139-3

УДК 316.444.5:35.08

ББК 60.543.132.2

ISBN 978-5-91290-139-3

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования, 2010

Содержание

Тема семинара

Сравнительный анализ государственного управления переходными социально-экономическими системами: Россия–Китай	5
---	---

Доклад

<i>Е.Л. Андреева.</i> Сравнительный анализ государственного управления переходными социально-экономическими системами: Россия и Китай	5
---	---

<i>Вопросы к докладчику и ответы</i>	69
--	----

Выступления

<i>Г.П. Воронин.</i> Наша страна десятилетиями помогала Китаю.....	88
--	----

<i>С.С. Сулакишин.</i> Как говорят: две большие разницы	90
---	----

<i>В.Н. Лексин.</i> Цивилизационные экспансии и испытание новыми ценностями	94
---	----

<i>М.В. Вилисов.</i> Сможет ли Россия извлечь уроки из «китайского чуда» для создания собственного?	101
---	-----

<i>В.Э. Багдасарян.</i> Иллюзии исторической переходности	103
---	-----

<i>П.В. Касьянов.</i> Краткие комментарии по теме сравнения государственного управления социально-экономическими системами России и Китая	106
---	-----

Ю.А. Плакиткин. Применим ли в России опыт китайских реформ?.....	108
А.Л. Андреев. Нужно производить человеческий капитал	111
Л.Н. Тимофеева. Нам не обойти вопрос об идейно-нравственном единении общества	114
А.И. Соловьев. Идеологические миражи — угроза государству и обществу	116
Р.И. Нигматулин. Наша беда — в негодном управлении государством и экономикой	127
Заключительное слово докладчика	130
Тематическая программа научного семинара	133
Список постоянных участников научного семинара	134

Тема семинара

Сравнительный анализ государственного управления переходными социально-экономическими системами: Россия–Китай

Доклад

Сравнительный анализ государственного управления переходными социально-экономическими системами: Россия и Китай

Андреева Е.Л.,

доктор экономических наук

Вступление

Опыт государственного управления в Китае интересен для России прежде всего проявленным прагматизмом в выработке и постоянной корректировке стратегии и политики экономических реформ с целью неуклонного повышения экономической мощи страны и жизненного уровня ее населения, а также в плане выгодного сочетания лучших мировых достижений с национальной спецификой. Опыт Китая опровергает утверждения, что экономическая реформа неизбежно сопровождается падением производства, капиталовложений, общим ухудшением социально-экономического положения страны. Сохранение основ государственного сектора и государственного регулирования экономики, постепенность в проведении реформы позволяют добиться положительных результатов. Целью экономических реформ в России на первом этапе было разрушение старой системы, в то время как целью КНР стало реформирование этой си-

стемы. Китайская программа реформ была призвана создать систему многоукладности при ведущей роли общественного сектора и государственного регулирования, ввести принцип распределения по труду и повысить степень открытости экономики. Эта стратегия реформирования вошла в историю как «социалистическая рыночная экономика» или «социализм с китайской спецификой». Если иметь в виду опыт реформ в Китае, то можно прийти к выводу, что в переходный период наибольший эффект способна обеспечить экономика, которую следовало бы назвать рыночным социализмом или экономикой смешанного типа»¹.

По словам аналитика влиятельного британского еженедельника «Спектейтор» Росса Кларка, экономическая модель Китая опровергла превалировавшее у западных экспертов мнение, что основой для «экономического успеха является свободное предпринимательство». На практике все большее влияние государства в экономическом развитии КНР привело к мощному развитию страны и, как следствие, к ее вероятному доминированию в глобальной экономике в ближайшие десятилетия. Китай создал политическую модель, которой в мире прежде не было, или если что-то подобное существовало, то не в таких масштабах: это — *экономический либерализм с социальным администрированием*. Существует также прямое следствие между большим присутствием в экономике государства и возрождением в условиях кризиса национальной экономики.

Китай в ходе рыночных реформ практически добился и макроэкономической стабильности, и активизации субъектов хозяйства, и внушительных внешнеэкономических успехов. Но этим достижения страны не исчерпываются: на деле в КНР реализована инвестиционная (а не равновесная или монетаристская) модель развития с очень высокими темпами роста и нормой накопления. Эту модель отличает ведущая роль государства в экономике, опережающий рост

¹ Богомолов О.Т. Размышления о насущном. М.: Экономика, 2003. С. 51–52.

промышленности, резкое сокращение бедности, повышенное внимание к развитию науки и образования. Данные черты, позволяющие характеризовать Китай как пример удачной модернизации, дали основание для появления выражения «Пекинский консенсус». Оно принадлежит бывшему редактору журнала «Тайм» Джошуа Рамо². Выражение символизирует исключительную привлекательность китайского опыта. Китай можно отнести к числу стран, успешно адаптирующихся к процессам глобализации.

Критика данного явления китайскими политиками и учеными сочетается с его использованием. Участвуя в нем, страна, во-первых, остается сама собой, а во-вторых, способна внести в глобализацию определенные коррективы. Любопытны наставления своим наследникам Дэн Сяопина: «Нам нужно изучать у развитых капиталистических стран достижения науки, техники и технологии, учиться у них хозяйственному управлению. Однако все то, что относится к духовной культуре, необходимо как в смысле идейного содержания, так и средств выражения подвергать марксистскому анализу, оценке и критике»³.

Китай демонстрирует извлечение максимальных выгод из концепции: тезис-антитезис-синтез⁴. Как отмечает Виноградов В.А., «процесс модернизации социокультурной матрицы в Китае разделился на ряд фаз: проникновение западной культуры, ее последующую китаизацию и синтез этих составляющих. Историческая заслуга Дэн Сяопина состоит в преодолении конфликта традиций и современности»⁵.

Еще не так давно Джеффри Сакс из Гарварда давал советы не только нам: фундаментальная экономическая реформа в

² Промышленные ведомости, 2007, № 7.

³ Романюк В. Прыжок дракона. Как вести бизнес с китайцами. М.: Известия, 2005. С. 137.

⁴ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакшин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. Монография. М.: Научный эксперт, 2009. 464 с.

⁵ Китай: универсальная модель модернизации // МЭиМО, 2009, № 7, 8.

Китае, по его мнению, тоже невозможна без приватизации. Китайцы вежливо слушали, говорили, что «шоковая терапия» — не их путь. Чтобы увеличить занятость, приходится идти на то, чтобы «работу троих делали пять человек и обед троих ели пятеро». Если же провести мгновенно приватизацию, то в конкурентной борьбе каждое частное предприятие будет стараться, чтобы «работу троих делали двое и обед троих ели двое», в результате чего как минимум 30 млн человек «потеряют свою чашку риса».

Посол КНР в России Ли Фэнлинь следующим образом объяснил китайский успех: «...для Китая главное — это правильное сочетание шести иероглифов, выражающих три понятия: социальная стабильность, развитие и реформа⁶». В этой формуле важным представляется не только сочетание трех названных факторов успеха, но и сам порядок их перечисления: сначала стабильность — как важнейшая предпосылка, затем развитие — как основа и, наконец, реформа, успех которой и предопределен двумя предыдущими факторами. Представляется, что в правильном сочетании этих трех факторов выражается универсальная значимость китайского опыта, залог успеха реформ в условиях переходного периода в развитии любых стран. Россия своим негативным опытом доказала это «от обратного»; с самого начала была нарушена социально-политическая стабильность, прекратилось развитие, и начался упадок, отсюда — неприятие реформ.

1. Культурно-исторические доминанты развития

Культурно-исторические доминанты развития — это базовые параметры развития общества, сложившиеся на протяжении веков и определившие важнейшие стороны жизни общества и государства. Это совокупность внутренних связей, делающих народ единым целым, скрепляющих череду поколений. Культурно-исторические доминанты образуют

⁶ Сегодня, 29 ноября 1995 г.

своеобразный «коридор» исторического движения, предопределяя его импульсы и одновременно известную ограниченность его вариантов. Это то, что, складываясь веками, формировало историческую память народа.

По словам китаевода Михаила Ермакова, «уникальность китайской цивилизации — древнейшей среди современных — заключена в непрерывавшейся линии преемственности, связавшей глубокую древность с настоящей реальностью, сохранившей черты прошлых веков для будущих поколений, создавшей особый склад китайского ума, обращенного в будущее через призму прошлого». В традиции китайцев — идти вперед, не разрушая старых кумиров. Древнее китайское изречение учит: «Прежде чем разрушить — создай». Китайцы не пошли по пути демонтажа централизованного управления, а попытались сохранить прежнюю систему, постепенно дополняя ее новыми элементами. Еще одна китайская мудрость гласит: «Не надо осушать пруд, чтобы выловить рыбу». Иначе говоря, на пути к цели надо использовать разумные средства.

Стратегии развития должны сочетаться с культурными традициями и национальными особенностями страны. П. Друкер подчеркивал в своей книге «Менеджмент — задачи, ответственность и практика», что менеджмент исходит из культуры, общества, ценностей, традиций, обычаев, религии, правительства и режима. Чем более менеджмент использует социальную традицию, ценность и веру, тем очевиднее его успехи⁷. Китайская национальная традиция является его крепким культурным фундаментом, она развивалась на основе традиционной древней культуры и особенностей ее различных направлений. Когда китайцы объясняют свой успех, они все время подчеркивают, что его основа — учет китайской специфики, особенностей менталитета нации и конкретных социально-экономических условий вкупе с постепенностью,

⁷ *Drucker P.F. Management: Tasks, Responsibilities, Practices. N.-Y, 2001.*

осторожностью (метод проб и ошибок — «переходить реку, ощупывая ногой камни»), стремлением сохранить стабильность (которая невозможна без стратегии) и поддержанием гармонии и баланса. Го Ширли В.Ю., долгое время проработавшая на высших государственных должностях на Тайване, отмечает: «Последовательно прагматическая экономическая политика страны опиралась на определенные, глубоко укоренившиеся философские принципы Китая. Эта идеология просматривается в таких популярных фразах, как “рост при равенстве” и “рост со стабильностью”»⁸. По мнению Чжан Юя, «успех китайской модели, внося вклад в возрождение китайской нации, одновременно способствует увеличению вклада китайского народа в общественный прогресс и развитие человеческой нации»⁹.

Можно говорить о том, что китайцам легче, чем нам: им неведомо состояние крайностей, в котором постоянно находится Россия, разворачивающая головы своего орла в противоположных направлениях. Символ Китая — это «чжун», иероглиф, обозначающий середину, центр. «Чжунго» (собственное название Китая) переводится как «центральная страна» (срединная империя), которой незачем смотреть по сторонам в поисках идеала. Именно здесь, в «средней» зоне, происходят объективный анализ ситуации, отбор позитивных элементов и тенденций, закрепление достигнутого и формирование перспектив последовательного роста. Срединная зона общественного сознания служит хранилищем эволюционной исторической памяти, позволяющей не повторять прошлые ошибки.

Для России же характерна полярность ментальной культуры, трудно совместимая с исторической эволюцией. Как точно подметил Н. Бердяев, «Россия — противоречива, антиномична... Творчество русского духа так же двоятся, как

⁸ Го Ширли В.Ю. Экономическая политика Тайваня. М. 1999, С. 9–10.

⁹ Чжан Юй. Содержание и значение китайской модели // Экономические науки, Пекин, 2008, № 11. С. 28–29.

и русское историческое бытие... И русские либералы всегда были скорее гуманистами, чем государственниками. Никто не хотел власти, все боялись власти, как нечистоты. Наша православная идеология самодержавия — такое же явление безгосударственного духа, отказ народа и общества создавать государственную жизнь. Славянофилы сознавали, что их учение о самодержавии было своеобразной формой отрицания государства. Всякая государственность представлялась позитивистической и рационалистической. Русская душа хочет священной общности, богоизбранной власти. В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варяг-иностранцев для управления русской землей, т. к. “земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет”. Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле! Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия — земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти — так характерна для русского народа и для русской истории». С другой стороны, Россия — самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю... Бюрократия развилась до размеров чудовищных... Она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни.

Никакая философия истории, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так

покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни. Эта тайна связана с особенным соотношением женственного и мужественного начала в русском народном характере. Та же антиномичность проходит через все русское бытие... И в других странах можно найти все противоположности, но только в России тезис оборачивается антитезисом¹⁰».

Как отмечает Г.Б. Клейнер, «индивидуальное восприятие окружающего мира в виде бинарной ценностной структуры создает ментально-идеологическую основу кризисного стиля»¹¹.

Проблема не в том, какую экономическую модель принимать, а в том, как выбрать сочетание таких моделей, которое будет наиболее приемлемым в условиях той или иной страны. Один из идеологов реформ Чэнь Юнь еще в 1950-х годах отмечал: «План — основное, рынок — дополнение». Чэнь Юнь дал образное разъяснение этой формуле, где рынок уподоблен птице, а план — клетке для нее: «Птицу нельзя зажать в руке, она может погибнуть, надо позволить ей летать, однако летать ей можно позволить только в клетке, если не будет клетки, она улетит. Если птица — это оживление экономики, то клетка — это государственный план».

Можно привести еще одно образное сравнение. Принятие решений в условиях планирования подобно рассмотрению проблем с макушки горы; принятие решений в рыночных условиях — это рассмотрение проблемы, стоя в горном ущелье. Первые видят неотчетливо детали, однако могут охватить все в целом, вторые не видят всю картину, однако видят детально все, близко расположенное. Подобно этому, в государственном плане особое внимание уделяется учету

¹⁰ Бердяев Н. Судьба России // <<http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>>.

¹¹ Клейнер Г.Б. Диверсификация экономики и экономический рост // Парламентские слушания — общественная конференция «Удвоение ВВП: задачи, условия, результаты». М., 2003.

интересов целого, а на рынке выбор каждого производителя и потребителя диктуется индивидуальной выгодой, поэтому для согласования интересов общества в целом и каждого его члена в отдельности требуются как механизм рыночного регулирования, так и единое плановое регулирование.

Сам термин «приватизация» чужероден для китайского ума. Иероглиф «сы», ключевой в этом понятии, издревле пользуется дурной славой. «Сы» — «индивидуальное», «частное», а также «нечестное», «несправедливое», «корыстное», всегда служило для обозначения несовместимого с интересами общества, рода, клана, семьи. «Сы» противоположен другому иероглифу — «гун», также многозначному, означающему «совместный», «бескорыстный», «праведный», «справедливый». Отличительная черта китайской культурной традиции — представление о человеке как о частице более крупной и важной общности — семьи, рода, клана, нации, государства.

Архитектор китайских реформ Дэн Сяопин говорил: «Я сначала китаец, а потом коммунист», подчеркивая приоритет национально-государственных интересов перед идеологическими постулатами. На круглом столе 8 сентября 2010 года на тему «Какое мировоззрение должно определять вектор модернизации?» С.С. Сулакшин¹² приводит высказывание президента, содержащее слова «создать новую молодую нацию», с закономерно возникающим вопросом: о какой новой нации идет речь?

А вот заявление министра торговли КНР Чэнь Дэмина: «Если США воспользуются проблемой обменного курса как поводом начать очередную торговую войну, то Китай пострадает, но американский народ и американские компании пострадают еще больше... Оскорбляя миллиард и триста миллионов китайцев, вы не заставите их измениться». Эти слова отлично иллюстрируют уверенность Китая в себе: он все бо-

¹² <www.rusrand.ru>.

лее открыто заявляет о готовности отстаивать свои интересы и определять пути развития мира¹³.

Если возрастание экономической мощи приводит к перестановке сил на мировой арене, то целенаправленная идеологическая установка на лидерство вызывает позиционирование страны, которое, конечно же, закладывает осознание исключительности своей страны. Пример тому — реклама на китайском телеканале: американец в парке делает утреннюю зарядку, у него развязывается шнурок, он завязывает его; в этот момент зритель видит, что на кроссовках написано: «Сделано при участии Китая с применением американских технологий». Следующий пассаж: семья завтракает, рядом стоит холодильник, на котором написано: «Сделано при участии Китая: французский дизайн». Или еще одна сцена: сидя в самолете, коммерсант смотрит в окно, а на крыле самолета видна броская надпись «Сделано при участии Китая: плод труда инженеров всего мира». Вот такая всепричастность к наилучшим мировым достижениям.

С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена для чего-то великого, что Россия — особенная страна, не похожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России. Это идет от старой идеи Москвы как Третьего Рима, через славянофильство к Достоевскому, Соловьеву и к современным неославянофилам. К идеям этого порядка прилипло много фальши и лжи, но отразилось в них и что-то подлинно народное, подлинно русское. Не может человек всю жизнь чувствовать какое-то особенное и великое призвание и остро сознавать его в периоды наибольшего духовного подъема, если человек этот ни к чему значительному не призван и не предназначен. Это биологически невозможно. Невозможно это и в жизни целого народа¹⁴.

¹³ На полном ходу // Эксперт, 2010, № 12. С. 19.

¹⁴ Бердяев Н. Судьба России // <<http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>>.

Для представителей русской интеллигенции, в т. ч. и ученых-экономистов, вопросы экономической политики неотделимы от социально-культурных и морально-этических аспектов. Наиболее образно это можно подтвердить словами великого русского писателя Л.Н. Толстого: «Человечеству только кажется, что оно занимается торговлей, войнами, искусствами, политикой и т. п. На самом деле единственное, что оно делает, оно уясняет себе нравственные законы, по которым оно живет»¹⁵.

Несмотря на богатейшее наследие выдающихся представителей экономического гуманизма в России в лице В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.И. Вернадского, Н.И. Бухарина, А.А. Богданова, А.В. Чаянова и др., в основе социальной политики в РФ до сих пор лежит либеральная точка зрения, согласно которой в странах, осуществляющих модернизацию экономики, рост неравенства неизбежен и представляет собой временное явление. По мнению директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, д.э.н., профессора А.Ю. Шевякова, в основе социальной политики в России лежат ложные парадигмы и мифы о том, что по мере экономического роста будут автоматически создаваться возможности для успешного решения социальных проблем и повышения уровня жизни большинства населения. Именно эта точка зрения была взята на вооружение Правительством РФ и определяла вектор социальной политики за все годы реформ. Причем повышенное внимание к социальной сфере, которое в последнее время демонстрирует власть, связано скорее с интуитивным ощущением опасности, а не с пониманием причин и следствий происходящих в социальной сфере процессов¹⁶. Это показывает, что проблема избыточного неравенства и относитель-

¹⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 22. С. 210.

¹⁶ Шевяков А.Ю. Факторы неравенства и бедности в демографической динамике // Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.

ного обнищания населения правительством не осознается и не ставится как важнейшая социальная проблема, а проблема развития социальной сферы сводится лишь к росту абсолютных показателей. Все это требует радикальной смены парадигмы социально-экономической политики и ее перерождения на нужды большинства населения, которая невозможна без радикальной перестройки распределительных отношений.

2. Национальная идея, идеология и стратегическое видение китайских реформ

По словам Дэн Сяопина, преобразования можно считать удавшимися, если они способствовали развитию производительных сил, усилению мощи страны, повышению уровня жизни населения. Исходя из этих критериев, китайскую реформу можно оценить как успешную.

3-й пленум ЦК КПК в декабре 1978 г. потребовал «в полном единодушии и дальше развивать политическую обстановку стабильности и сплоченности, немедленно мобилизоваться и, напрягая все силы и энергию, **совершить новый великий поход во имя** превращения страны к концу нынешнего столетия в современную социалистическую державу».

Национальная идея

Главным условием успеха явилась сама цель предпринятых в Китае реформ, которая была понятна, близка всем слоям населения страны, взывала к глубинным патриотическим и национальным чувствам китайцев поднять страну и народ, возродить величие Китая. Идея «возрождения Великого Китая» объединила не только все населяющие Китай народы, но и соотечественников за рубежом. Сформулированная в общем виде цель превращения Китая в могучую и процветающую державу, которая стала подлинной общенациональной мобилизующей идеей, впоследствии была конкретизирована

в программе «четырёх модернизаций» — промышленности, сельского хозяйства, национальной обороны, науки, техники и образования. Осуществление программы разбивалось на три этапа, которые охватывают период до середины XXI в.

Важнейшим фактором, обеспечивающим успех экономических реформ в Китае, является их **последовательная социальная ориентированность**. Разумеется, не в равной мере, но благотворность реформы ощущает лично на себе каждый китаец, что и делает его активным сторонником реформ.

Обратимся к рассмотрению основных документов, мер и инструментов, конкретизирующих реализацию данной высокой и спланирующей все население цели. Поворотным пунктом в экономической истории Китая стали разработка, принятие и начало реализации *15-летней программы* 1996–2010 гг. перспектив экономического и социального развития страны до 2010 г.

Программа действий Коммунистической партии Китая до 2010 г.

Эта программа была представлена в докладе председателя КПК Ян Цзэмина на XV съезде в 1997 г. Приведем некоторые главные тезисы по основным блокам социально-экономического развития, касающиеся будущего, поскольку, как сказано в этом документе, первая декада XXI тысячелетия (2000–2010 гг.) является **решающей для реализации стратегического развития Китая**.

Целевые установки и ориентиры развития страны

В настоящей эре решающую роль играют усилия, направленные на обеспечение мира и развития, а развитие мира является многополюсным. Развитие мира основано на **развитии науки и технологии**, а итоги научно-технической революции имеют значение для развития народного хозяйства.

1. В первой декаде 2000–2010 гг. национальный доход Китая должен удвоиться. Это будет основой для роста зажиточ-

ности населения Китая, укрепления социалистического рыночного хозяйства.

2. После 2010 г. китайское народное хозяйство будет и дальше развиваться, модернизироваться и улучшаться.

3. К половине следующего столетия, около 2050 г., Народный Китай будет чествовать столетие своего существования. До этого времени программа модернизации страны должна быть окончена, а Китай — стать хорошо функционирующей, сильной, демократической, развитой социалистической страной.

Самым важным делом является **развитие производительных сил** страны, которое должно происходить, опираясь на развитие **собственного** хозяйственного потенциала, ресурсов и **интеллектуального потенциала**.

Государственный сектор

И впредь основой экономической системы будет доминирующая позиция общественной собственности при одновременном развитии разных форм собственности. Критерием поддержки для любой формы собственности является то, служит ли она социализму и помогает ли **оптимизации структуры экономики, развитию науки и техники** и росту открытости китайского народного хозяйства. Общественные фонды должны доминировать в общих фондах, а государственный сектор — контролировать кровообращение и **стратегические направления развития** народного хозяйства. Смысл его существования состоит не только в его большом удельном весе, но и в том, что он воздействует на **направления и структуру развития** всего народного хозяйства и на **контроль развития** негосударственного сектора.

Государственный сектор есть и будет **главным инструментом** удержания контроля государства над народным хозяйством. Он будет доминировать в **ключевых отраслях** промышленности, определяющих стратегические направле-

ния развития и контролирующих это развитие в целом. К таким областям народного хозяйства принадлежат:

- отрасли, относящиеся к национальной безопасности;
- отрасли промышленности и сферы услуг, являющиеся естественными монополиями;
- отрасли, обеспечивающие снабжение страны основными продуктами и услугами;
- отрасли, определяющие развитие высоких технологий и авангардных продуктов.

Решение текущих проблем предприятий должно быть увязано с концепцией их долгосрочного развития до 2010 г. В течение трех лет большинство государственных предприятий должно освободиться от долгов, при создании условий эффективного развития путем реструктуризации — финансовой, технической и организационной. В этой реструктуризации первенство будет принадлежать ключевым традиционным секторам, старым промышленным и отсталым районам.

Главными задачами их реформирования будут:

- введение менеджерского управления, уравнивающего объем власти и ответственности;
- поддержка научно-технического прогресса на предприятиях путем поощрения научно-технического персонала, создания на предприятиях исследовательских центров, а также поддержка исследовательской интеграции университетов, исследовательских центров и предприятий;
- введение в действие механизма приспособления к конкуренции в рыночных условиях. Он должен создать облегчение для концентрации капитала в ключевых предприятиях, помочь процессам их слияния, совершенствовать процедуры банкротства, облегчать снижение занятости при одновременном введении альтернативных программ занятости и создании условий обеспечения основных бытовых потребностей для увольняемых работников.

Уровень и качество жизни населения

Координация развития хозяйства в масштабе всей страны и отдельных регионов должна проводиться таким образом, чтобы выгоды от развития хозяйства в отдельных регионах были ощутимы и видны для их населения.

В демографической проблематике следует обратить внимание не только на контроль прироста населения, но также и на улучшение **условий жизни пожилых людей** в послепродуктивном возрасте.

Все эти начинания должны дать возможность людям поднять уровень жизни на основе экономического роста, роста реальных доходов городского и сельского населения, расширения состава потребления путем обогащения их культурной жизни, красоты их естественной среды. Все это должно привести к общему улучшению качества жизни.

Особые усилия будут направлены на улучшение жилья, инфраструктуры, транспорта и средств сообщения, расширение сфер услуг, обслуживающих потребление.

Все начинания в области культуры должны соответствовать общим идеалам и стремлениям всего общества и **учитывать черты китайской культуры**. Надо побуждать патриотизм, коллективизм, социализм, а также развивать социалистический гуманизм.

Сельское хозяйство

В сельском хозяйстве будет поощряться промышленное управление таким образом, чтобы **производство, переработка и продажа были интегрированы** и взаимно помогали его развитию в направлении коммерциализации, специализации и модернизации сельскохозяйственного сектора.

Внешнеэкономическая политика

Импорт будет развиваться исходя из **принципа селективности**, отдавая приоритет **авангардным технологиям**, считая их основой для расширения **возможностей разви-**

тия собственной науки и техники более независимым образом.

Сфера образования

За образованием признается **стратегическое первенство**. Будет укрепляться значимость учебы и учителей, они будут окружены особым уважением. Общая реформа народного образования и реформа управления предприятиями будут признаны **узловыми проблемами для развития науки и техники**.

Региональное развитие

Будут поддерживаться стремления к развитию хозяйства **регионального характера**, и ускорится развитие центральной и западной частей страны путем **увеличения поддержки государства для этих регионов в запланированном развитии инфраструктуры и предприятий**, увеличивающих возможности использования их ресурсов, развивая все формы связей и координации между восточными, центральными и западными частями страны.

И впредь будут открываться новые специальные экономические зоны, которые стимулируют **распространение разных улучшений** и современных решений и одновременно играют **ведущую роль в модернизации** институциональной и промышленности.

В 2003 г. на XVI съезде КПК была утверждена программа социально-экономического развития страны до 2020 г., нацеленная на создание базы, обеспечивающей к 2050 г. **коренную модернизацию** экономики Китая, которая превратит его в богатое, демократическое и цивилизованное государство. Национальная программа экономического развития предусматривает в предстоящие 15 лет (2006–2020 гг.) уделять основное внимание развитию **11 ключевых секторов**, включая телекоммуникационную и ИТ-отрасль. В области связи приоритет отдан созданию в стране современной ком-

муникационной инфраструктуры. Среди основных задач в ИТ-сфере разработка сложного прикладного ПО, информационных сетей нового поколения, создание цифрового контента, решение проблем ИТ-безопасности. Новый период индустриализации должен стать **поворотом от ресурсоемкого производства к высокотехнологичному и наукоемкому ресурсосберегающему способу производства**, при существенном улучшении экологической ситуации в стране. К 2020 г. удельный вес индустрии услуг в общем объеме ВВП страны должен повыситься с нынешних 33% до 50–60%.

XVI съезд КПК наметил основные направления и цели развития Китая в первой половине XXI в., что имеет эпохальное значение для партии и государства, которые должны представлять:

- требования развития китайских передовых производительных сил;
- прогрессивные направления передовой культуры Китая — коренные интересы самых широких слоев китайского народа.

К 2003 г. в официальном обороте появились новые установки, объединенные в так называемую **научную концепцию развития**¹⁷. Ее стержневая идея — отказ от ставки на количественные параметры экономического роста. Признается, что китайский экономический рост при всех его внушительных темпах был преимущественно экстенсивным, ресурсоемким, наносящим ущерб окружающей среде. Ставилась задача **изменить модель роста, сделать его интенсивным, инновационным, ресурсосберегающим, социально ориентированным**. Отсюда вытекает концепция «**пяти сбалансирований**»:

- развития города и деревни;
- различных регионов;
- экономики и социальной сферы;

¹⁷ Мозиас П. Идеология экономических реформ в Китае: основные этапы эволюции // МЭиМО. 2007, № 11. С. 67.

- человека и окружающей среды;
- внутреннего развития и внешней открытости.

Провозглашен лозунг «взятия человека за основу»: в качестве цели экономической политики должен выступать не рост как таковой, а **решение социальных задач**. По-иному стали формулироваться и количественные ориентиры развития. Задачи на 11-ю пятилетку (2006–2010 гг.) определены как удвоение душевого показателя ВВП (а не его общего объема) и снижение удельного потребления ресурсов на единицу ВВП на 20%.

В 2005 г. в официальный оборот была введена новая установка на построение **«гармоничного социалистического общества»**. Она была окончательно утверждена в качестве основополагающей на 6-м Пленуме ЦК КПК в октябре 2006 г. Главными направлениями строительства на перспективу до 2020 г. заявлены:

- совершенствование правовой системы социалистической демократии;
- повышение эффективности использования ресурсов, достижение очевидных результатов в охране окружающей среды;
- гарантирование полной занятости, формирование базовых систем социальной защиты;
- укрепление инновационных способностей общества, формирование основ «инновационного» государства;
- достижение качественно более высокого уровня «сяо-кан» (общество умеренной зажиточности) для всего населения Китая.

«Всеобъемлющее строительство общества средней зажиточности» должно преследовать цель всеохватывающего развития — экономического, политического, культурного и т. д. Это новое понятие, воплощающее в себе всестороннее и **гармоничное** развитие экономики и общества. Иными словами, развитие экономики и подъем жизненного уровня народа должны соответственно привести к подъему политической, культурной и духовной жизни.

По мнению ряда аналитиков, такой новый поворот свидетельствует о выдвигании в Китае «неосоциалистического проекта» или о формировании в стране «новой социально-экономической модели».

Еще в январе 2002 г. заместитель премьера Вэнь Цзябао обратил внимание на крайнюю остроту социальных проблем села. С этого момента начал отсчет новый курс КПК, в котором смягчение разрывов между городом и деревней занимает одно из центральных мест. На рубеже 2005–2006 гг. была принята программа «строительства **новой социалистической деревни**». В августе 2006 г. в Закон КНР «Об обязательном образовании» были внесены поправки, предписывающие схему финансирования школ совместными усилиями центрального, провинциальных и местных бюджетов. В сентябре 2006 г. несколько правительственных ведомств приняли план развития кооперативного медицинского страхования в деревне на период до 2020 г.

На строительство «новой социалистической деревни» только в 2006 г. из центрального бюджета был выделен эквивалент 170 млрд долл., на 12% больше, чем в предыдущем году (около 1 тыс. долл. на каждый крестьянский двор). По всей стране впервые за две с половиной тысячи лет отменен сельскохозяйственный налог, продолжали расти прямые дотации, дотации на элитные сорта и приобретение сельхозтехники. Проводилась политика устранения лишних посредников. Установлены минимальные государственные закупочные цены на сельхозпродукцию, чтобы производители не понесли ущерба в периоды снижения цен. При продаже целого ряда товаров для сельхозжителей введены субсидии. А самое главное — на селе развернуто гигантское инфраструктурное строительство, помогающее решать проблему занятости, доступа сельхозпродукции на городские рынки и агропромышленной интеграции. Благодаря этим мерам значительно повысилась покупательная способность китайских крестьян. К концу 2006 г. в сельских районах по всей стране

были созданы более 160 тыс. магазинов сетевой торговли, в 2007 г. их число достигло 250 тыс. Они покрывают почти 75% уездов всей страны.

По сравнению с материалами предыдущего, XVI съезда КПК в докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде в 2007 г. заметно более частое употребление слова «социализм» (в сочетаниях «социалистическая рыночная система», «новая социалистическая деревня», «социалистическая демократия») и отсутствие таких выражений, как «рыночная система», «рыночный экономический порядок». Системность связке «государство — рынок» придает именно государство. Главное доктринальное нововведение — **«научная концепция развития»** — ясно указывает на приверженность целенаправленному и сознательному формированию будущего страны (этот пункт был включен XVII съездом КПК в новую редакцию устава партии, что тоже немаловажно). **Императивы концепции — всесторонность, гармоничность и устойчивость развития.** Ее методология, согласно Ху Цзиньтао, — **единое и комплексное планирование.** Теоретическая основа — китаизированный марксизм, что в Китае обычно ассоциируется с именем Мао Цзэдуна, т. е. китайский социализм вновь представлен во всей своей исторической полноте.

В 2008 г. принято решение создать **единый механизм социально-экономического развития города и деревни:** «Без гармонии в деревенском обществе не может быть гармонии, которой мы добиваемся». К 2020 г. намечено создать единое экономическое пространство в масштабах города и деревни, построить «новый тип деревни», сформировать транспортную и энергетическую инфраструктуру единого хозяйственного комплекса страны, построить в сельской местности необходимое количество производственных, медицинских, образовательных и других объектов.

Часто представляют Китай «пожирателем» ресурсов, в том числе энергетических и продовольственных. Это не в

полной мере соответствует действительности. Экспорт продовольствия из КНР в 2006 г. (30 млрд долл.) в полтора раза превышал импорт. Энергоемкость выпуска реального продукта в «грязном» Китае такая же, как в «чистом» Сингапуре, и в полтора раза ниже, чем в США. Выброс двуокиси углерода на душу населения в КНР в 3,5 раза ниже, чем в Сингапуре. Энергоемкость производства намечается снизить на 20%. Планируется постепенно трансформировать внешнеэкономическую мощь Китая в инновационное, экологически чистое хозяйство. Колоссальными темпами растут закупки энергосберегающих и других технологий, а также инвестиции в науку. Численность научных работников достигла полтора миллионов человек, более 80% из них — люди моложе 45 лет. Только за 1990-е годы в Китае создано 22 государственных научно-исследовательских института, занимающихся прогнозированием в различных областях знаний.

На фоне превращения России в страну с сырьевой экономикой контрастируют огромные успехи, достигнутые Китаем, который сумел выстроить свой собственный путь перехода. В Китае с самого начала осуществления преобразований поняли главное: стратегическая цель реформирования любого общества — не реформы ради самих реформ, а реформы, преследующие целью повышение уровня благосостояния населения. Причем не какой-то одной малочисленной его части, а большинства населения. Степень радикализма осуществляемых социально-экономических реформ имеет свой предел, за порогом которого возникают социальные конфликты. На переходном этапе остро встает вопрос о продуманности социальной политики, призванной обеспечить воспроизводство тех социальных ресурсов, из которых государство черпает себе поддержку и создает предпосылки для расширенного воспроизводства и своей деятельности, а также обеспечения стабильности всей общественной системы. Социальный и организационный капитал, необходимый для осуществления перехода, нельзя насадить «сверху». Люди

должны играть активную и конструктивную роль в трансформации, очень сложно вновь собрать организационный капитал после того, как он был рассеян или разрушен. Как отмечает академик Л. Абалкин, «к сожалению, в политических и общественных дискуссиях, в научном сообществе и в средствах массовой информации упор делается на решение текущих вопросов. Такой подход лишает нас исторической памяти и не позволяет выйти из тупиков, в которые заводят многие политические и хозяйственные решения¹⁸.

3. Основные ориентиры и инструменты реализации социально-экономической политики стран

Региональная политика и развитие экспортного потенциала Китая

Значительную роль в успехе реформ имеет грамотная региональная политика. Ее отличительная черта в Китае — самостоятельность регионов, как гласит древняя китайская поговорка, «горы высоки, а до императора далеко». На региональном уровне существует мощная система управления регионов через экономические рычаги, проводимая политика разделения налоговых поступлений между регионами и центром способствует активной и заинтересованной позиции региона в максимизации поступлений в местный бюджет.

Учет в развитии экономики пространственного аспекта предполагает поиск баланса между мерами по формированию «точек роста» и выравниванию условий хозяйствования. Объективными причинами успешного использования в Китае стратегии сфокусированного развития является естественное геоэкономическое положение регионов страны. Портовые города и прилегающие к ним акватории больших рек на востоке Китая оказались в наиболее предпочтительном положении для развития экономических связей с ми-

¹⁸ Абалкин Л. Аграрная трагедия России // Вопросы экономики, 2009, № 9.

ровой экономикой. Именно они стали опорными территориями осуществления стратегии открытости. Восток Китая обеспечивает около 60% ВВП страны. Китай посредством создания порядка 60 специальных экономических зон в наиболее развитых приморских районах стимулировал приток зарубежных капиталовложений в страну, которые послужили источником новых научных знаний, производственных технологий и современных методов ведения бизнеса. Создание территориальных «точек роста» имело в Китае и политический подтекст, демонстрирующий гражданам Гонконга и Макао, что после их присоединения к КНР они окажутся в привычной им рыночной среде.

С началом социально-экономических реформ в Китае была провозглашена политика внешней открытости, для реализации которой правительство разработало стратегию развития отсталых регионов страны с помощью создания в них свободных экономических зон (СЭЗ). Проводя политику экономического стимулирования, СЭЗ имеют возможность быстро осваивать современные технологии и обеспечивать выпуск конкурентоспособной продукции, способствуя развитию прилегающих территорий и целых регионов.

На первом этапе реформ Китай предоставлял иностранным инвесторам налоговые льготы, дешевую землю и другие стимулы, а также создавал необходимую инфраструктуру. Сначала от иностранных инвесторов требовали, чтобы они брали себе китайского партнера, при этом они могли свободно экспортировать свою продукцию, но их ограничивали в объемах продаж производимой ими продукции на внутреннем рынке для защиты местных производителей. Также жестко ограничивались иностранные инвестиции в ряде ключевых отраслей, таких как автомобильная, сталелитейная и телекоммуникации. Однако после вступления в ВТО эти ограничения были ослаблены.

Сначала было создано четыре специальные экономические зоны: Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь. Первая

СЭЗ была организована в 1979 г. в селении Шэньчжэнь возле города Сянган, и основными инвесторами там были компании из Гонконга, Тайваня, Южной Кореи и Японии. Развитие СЭЗ позволило Китаю уже к середине 1980-х гг. стать одним из основных получателей частных иностранных инвестиций в мире.

Другим важным направлением в развитии внешней торговли было принятие в 1984 г. Правительством Китая решения об открытии для мирового рынка и интернационализации производства 14 городов-портов на побережье Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. К этим городам с льготным режимом хозяйственной деятельности относятся: Бэйхай, Чжаньцзян, Гуанчжоу, Фучжоу, Вэньчжоу, Нинбо, Шанхай, Наньтун, Ляньюньган, Циндао, Яньтай, Далинь, Тяньцзинь, Циньхуандао. «Открытые города»-порты получили значительные свободы в проведении самостоятельной экономической политики. Им можно принимать **законодательные акты по регулированию потоков иностранного капитала, предоставлять дополнительные льготы или ограничения в налогообложении, арендной плате за землю** и т.д. В частности, они имеют право самостоятельно утверждать проекты совместных предприятий с участием иностранного капитала в размере от 5 до 30 млн долл. В «открытых городах» размещены технопарки, разрабатываются новейшие технологии с участием иностранного капитала, функционирует экспортно ориентированное производство, активно работают торговые предприятия. Практически «открытые города» можно назвать комплексными зонами экономического и технологического развития. «Открытые города»-порты ныне обеспечивают 23% всего промышленного производства Китая, 40% экспортных поставок и осуществляют почти 100% грузооборота всех морских портов.

Впоследствии для привлечения иностранных инвестиций, технологий и кадров в КНР были созданы **«зоны высоких технологий»**, где иностранным инвесторам предлагают

ся бесплатно земельные участки и освобождение от налогов. Чтобы китайские предприятия использовали микросхемы китайского производства, был введен 17-процентный налог на импортную продукцию и всего 3-процентный на местную. Так, в первые несколько лет работы предприятие полностью освобождалось от налогов. Если инвестор направлял всю прибыль на развитие производства, то лишь на седьмой-восьмой год начинал платить полную сумму налога. Причем ставки налога различаются по разным зонам, т. е. каждый регион устанавливает для себя правила игры, которые согласуются на вышестоящем уровне. Льготы различаются по отраслям, их предоставляют для тех отраслей и регионов, которые центральное правительство собирается развивать.

Привлечение иностранных инвестиций и импорт высоких технологий способствовали развитию собственных производств и созданию новой конкурентоспособной продукции. Проводимая государственная политика препятствовала импорту в страну устаревших технологий и одновременно стимулировала создание иностранными корпорациями **совместных научных и исследовательских центров** непосредственно на территории КНР. Поэтому крупнейшие высокотехнологичные транснациональные компании (Motorola, IBM, Hewlett-Packard, Microsoft, Nokia, Cisco, AT&T и др.) начали создавать с середины 1990-х гг. в крупнейших городах Китая и СЭЗ собственные исследовательские центры, в которых работают и обучаются десятки тысяч китайских инженерно-технических работников и ученых.

В 1984 г. правительство города Тяньцзин выделило 33 кв. км земли для создания зоны развития. Это были солончак, пустоши на морском побережье Бохайского залива. Государство создавало инфраструктуру, оказывало содействие, проводя льготную политику. Например, для привлечения иностранных инвестиций было установлено в первые два года не взимать налог с предприятий с иностранными инвестициями, а в последующие три года взимать только 50% налога. Такая льгота

действовала фактически более десяти лет. Из 500 крупнейших (сильнейших) корпораций мира более 70 создали 177 предприятий в Тяньцзинской зоне развития. В настоящее время почти **половину городского бюджета** Тяньцзина составляют поступления из зоны развития. В рассматриваемой зоне созданы современные отрасли промышленности: электронная, автомобильная, крупный сборочный цех для самолетостроения (Франция) и т. д. Характерный пример: в 1986 г. американская компания Motorola первый раз вложила в Тяньцзинскую зону развития инвестиции в сумме 200 млн долл. Всего было вложено свыше 1 млрд долл. В 2007 г. главный финансовый центр компании Motorola перемещен в Тяньцзин.

Тяньцзин — третий по величине город в Китае, крупный промышленный и финансовый центр. Через город проходят восемь скоростных магистралей. Тяньцзинская зона развития расширилась с 33 до 40 кв. км, в дальнейшем по плану достигнет 100 кв. км. Современная Тяньцзинская зона развития состоит из:

- 1) зоны промышленного производства;
- 2) зоны новых технологий;
- 3) международного аэропорта;
- 4) Тяньцзинского морского порта — самого крупного порта на севере Китая, куда могут входить суда водоизмещением 200 тыс. т, а с 2008 г. — 300 тыс. т.

Несколько лет назад построен комплекс зданий нового технологического института (как филиала известного крупного университета Нанькай), созданы первоклассные лаборатории физики, химии, биологии, которые уже проводят совместные научные проекты с американскими и европейскими вузами.

В городе имеется развитая социальная инфраструктура. Цель создания удобных бытовых условий заключается в том, чтобы инвесторы, иностранные или китайские гости, представители зарубежных и китайских компаний, менеджеры, служащие после работы могли хорошо отдохнуть, чувствовать себя как дома, стремились продолжить здесь свое дело.

Тяньцзинская зона и многие другие зоны развития вносят большой вклад в индустриализацию Китая, поднимают промышленность Китая на новую ступень. Привлечение иностранного капитала, передового оборудования, новых достижений науки и техники и передовых знаний в области управления из-за рубежа стимулирует модернизацию Китая и выполняет роль авангарда. При этом основой служит модернизация промышленности, стержнем которой являются научно-технический прогресс и вложение необходимого объема капиталов. Конечная цель функционирования зоны развития — постепенно создать научно-технический промышленный район с высокоразвитой наукой, техникой, производством и войти в число передовых районов мира.

Другим примером может служить создание в 1985 г. «зоны экономического и технологического развития» вблизи города Куншана (Kunshan Economic & Technological Development Zone — KETD). Эта зона занимает территорию в 7700 га, на которой было построено 75 мостов, 149 км скоростных шоссе и создана единая система отопления и водоснабжения. В развитие инфраструктуры KETD было вложено свыше 4 млрд юаней, что способствовало быстрому экономическому развитию. Решением Госсовета в 1992 г. KETD была преобразована в «зону национального развития». Затем в 2000 г. внутри KETD была создана Куншанская экспортно-технологическая зона (Kunshan Export Processing Zone — KEPZ) площадью 2,86 кв. км, явившаяся первой из 15 экспортно-технологических зон, в которых разрешено свободно передавать готовые товары и полупродукты другим предприятиям, находящимися вне зоны для дальнейшего производства. В KEPZ были созданы: Экспортно-технологическая зона Янгсу-Кушан, Всекитайский бизнес-инкубатор Куншана для обучения китайских эмигрантов, Международный бизнес-центр в Янгсу и Китайский промышленный парк для японских компаний. Совершенная хозяйственно-экономическая инфраструктура KEPZ начи-

ная с 2001 г. обеспечила ей лидирующее положение в международной торговле продуктами высоких и информационных технологий среди всех остальных экспортно-технологических зон Китая. В KEPZ государством гарантируются основные преимущества для национальных зон экономического развития, наряду с этим вводится и ряд дополнительных привилегий. Все компании, действующие в KEPZ, рассматриваются как предприятия, «расположенные на территории Китая, но вне таможенных границ». Это позволяет отказаться от **обязательной системы банковского депонирования валюты и таможенного контроля, при этом не взимается НДС и потребительский налог на производимые товары и услуги, а также отсутствуют экспортно-импортные квоты и лицензии**, ограничивающие деловую активность на территории зоны. Так, предприятиям в KEPZ разрешено беспошлинное перемещение следующих товаров:

- ввоз машин, оборудования и агрегатов, необходимых в производстве, запасных частей и узлов для ремонта, строительной техники и материалов для возведения промышленных зданий, складских помещений и объектов инфраструктуры, а также офисного оборудования для собственных нужд предприятий;
- ввоз сырья, запасных частей, узлов, упаковочных материалов и других продуктов, используемых для производства экспортной продукции;
- вывоз готовой продукции и компонентов, бракованных изделий и отходов, полученных на территории зоны и продаваемых за границей.

Другим примером является создание в 1988 г. зоны комплексного назначения в одном из самых отсталых районов Китая на острове Хайнань (площадь 34 тыс. кв. км), расположенном в Южно-Китайском море. Для привлечения туда инвестиционного капитала была предложена целая система налоговых скидок и льгот в самых различных отраслях (горнодобывающая промышленность, с/х, транспорт, высокие

технологии и др.). В СЭЗ реализуются 234 проекта с размером инвестиций свыше 10 млн долл каждый, 11 проектов с суммарными инвестициями, превышающими 100 млн долл.

В 1990 г. в Шанхае была создана зона развития «Пудун», в которой образована зона свободной торговли и сформировано несколько районов промышленной, научной и финансово-торговой специализации. Уже в первые годы функционирования в СЭЗ «Пудун» начали реализовываться проекты в автомобилестроении, электронике, приборостроении, телекоммуникациях, высоких технологиях, энергетике на сумму инвестиций.

В настоящее время наиболее эффективно действуют СЭЗ в следующих регионах: это дельта реки Янцзы и прилегающие районы, регион Бохайского залива, Юго-Восточный регион, регион Юго-Западного Китая и частично Южного Китая, Северо-Восточный регион, регион пяти провинций Центрального Китая и Северо-Западный регион. Опыт деятельности СЭЗ в Китае свидетельствует о возможности преобразования небольших поселений в города с развитой инфраструктурой и передовыми экспортно ориентированными производствами. В настоящее время различные типы СЭЗ функционируют практически на всей территории Китая.

После возвращения под юрисдикцию Китая провинций Сянган (как теперь именуется Гонконг с 1997 г.) и Аомэнь (до 1999 г. — Макао) на их территории были созданы **особые административные районы** (ОАР). Правительство Китая приняло решение о сохранении в этих районах капиталистической системы хозяйствования еще на 50 лет, чтобы за это время вся страна постепенно достигла высокого уровня экономического развития. Иностранные фирмы, находящиеся в Сянгане, беспошлинно поставляют оборудование и материалы своим филиалам на территории материкового Китая. Готовые изделия беспошлинно ввозятся обратно с целью реэкспорта. Сянган остается четвертым по значимости в мире банковским центром, восьмым субъектом торговли

и экономики, занимает шестое место по доле ВВП на душу населения.

ОАР Аомэнь с населением почти в 450 тыс. человек является международным **свободным портом и независимой налоговой зоной**, сохраняет низкие таможенные тарифы и придерживается принципов свободной торговли. Администрация Аомэня заключила соглашения о **безвизовом режиме** примерно с 30 странами и районами. Основные отрасли Аомэня — строительство, переработка товаров на экспорт, финансовые услуги, туристический и игорный бизнес.

В начале тысячелетия в Китае было создано 6 специальных экономических зон и более 30 государственных зон экономического и технического развития, 14 открытых портов, а также иные зоны свободной торговли, специальные таможенные пространства, районы и территории, имеющие особый налоговый и торговый статусы. Такие зоны являются наиболее экономически развитыми регионами страны.

Таким образом, СЭЗ являются одним из важных факторов общей стратегии экономического развития страны, создающих возможность эффективной концентрации ограниченных национальных и иностранных ресурсов. В последние годы в КНР прорабатывается возможность предоставления иностранным инвесторам льгот, основываясь не на территориальном (как в СЭЗ), а на отраслевом принципе — путем поощрения инвестиций в конкретные отрасли промышленности, сельского хозяйства, энергетики и пр. Это обусловлено тем, что многие регионы КНР, расположенные вдали от побережья, заинтересованы в притоке капиталовложений, направляемых на развитие местной экономики.

В 2000-е гг. происходит корректировка экономической стратегии Китая: КНР акцентирует роль фактора расширения внутреннего спроса. Ее реализация предполагает **изменение приоритетов государственного финансирования**: государственный капитал направляется в те регионы страны, где нет условий для эффективного функционирования част-

ного национального и иностранного капитала, с целью создать такие условия. В 2000-е гг. территориальная стратегия Китая меняется с концепции «сфокусированного» развития на концепцию «создания равных условий конкуренции» во всех регионах КНР. Цель новой стратегии **«выравнивания»** состоит в том, чтобы к 2020 г. увеличить долю центральных и западных районов Китая в ВВП страны соответственно до 29 и 16% (с 26,5 и 13,5% в начале 2000-х гг.) при уменьшении доли Востока страны до 55% (с 60%). Средством обеспечения стратегии «выравнивания» служит альтернативный вариант стратегии «фокусирования»¹⁹. В конце 1990-х гг. в Китае принимается новая политика **приоритетного развития западных регионов**. Она предусматривает предоставление различных льгот, оказание государственной помощи, прежде всего в создании **капиталоемких отраслей инфраструктуры с длительными сроками окупаемости капитала**. В рамках этой программы осуществляется строительство высокоскоростной железной дороги в Тибете, газопровода и линий электропередачи, связывающих Запад и восток страны, ведутся дорогостоящие ирригационные работы. Большие средства направляются на развитие образования и науки в западных провинциях Китая. Начато сооружение 10 зон технико-промышленного освоения (научных парков).

В 2003 г. новое руководство Китая во главе с Ху Цзиньтао, в дополнение к планам освоения западных территорий, принимает новую стратегическую программу реконструкции старых промышленных районов северо-востока Китая. Механизм ее реализации совпадает со стратегией освоения западных регионов — **государственное инвестирование** неинтересных для частного бизнеса объектов с целью последующего **улучшения общего экономического климата региона и повышения его инвестиционной привлекательности** для частных предпри-

¹⁹ Михеев В. Китай: опыт стратегии «сфокусированного» развития // Институт Дальнего Востока РАН // <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmod>.

нимателей. В реализации планов реконструкции экономики северо-востока китайское правительство стремится параллельно реализовывать инфраструктурные, производственные, управленческие и социальные проекты. Государство решает вопросы стратегического, структурного развития, проблемы территориальной целостности страны и обеспечения ее экономической безопасности. В этой связи представляется целесообразным обратиться к стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока России.

Остановимся на результатах исследований сотрудников Института экономических исследований ДВО РАН²⁰, которыми в рамках интеграционного проекта ДВО и УрО РАН проведено сравнение основных параметров Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. № 480 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 21 ноября 2007 г. № 801 и «План возрождения Северо-восточного Китая» (Plan of Revitalizing Northeast China by National Development and Reform Commission, Office of the Leading Group for Revitalizing Northeast China and Other Old Industrial Bases of the State Council, People's Republic of China) (табл. 1).

Будущее Северо-восточного региона Китая связывается с созданием «конкурентной в международном масштабе базы по производству оборудования; ведущей национальной базы технологического развития и инноваций; национальной базы по обеспечению новыми материалами и электроэнергией; ведущей национальной базы зерновой, сельскохозяйственной и животноводческой продукции; стратегической областью национальной экологической безопасности». По

²⁰ Ломакина Н.В. Стратегическое партнерство Дальнего Востока России и северо-востока Китая в области промышленности: структурные ориентиры // ШОС: экономическая интеграция и национальные интересы. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010, 40 п. л.

сути, ставится цель преобразования СВК в регион сбалансированного роста с развитыми рыночными институтами, рациональной отраслевой структурой, устойчивым развитием территорий ресурсной направленности, гармоничными социальными условиями. Ключевые направления и важнейшие инвестиционные проекты для решения этих задач представлены в таблице 2.

Таблица 1

Основные параметры сравнения государственных программ развития ДВР и СВК

Параметры сравнения	ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года»	«План возрождения Северо-Восточного Китая»
Уровень программ	Национальные программы	
Масштаб охвата	Территория: 6,9 млн кв. км Население: 8,7 млн чел. Административные единицы: 12 субъектов РФ	Территория: 1,45 млн кв. км Население: 120 млн чел. Административные единицы: 3 провинции СВК (Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян)
Период действия	1996–2013 гг. (реально 2007–2013 гг.)	2006–2010 гг.; (решение ключевых вопросов может быть предусмотрено до 2020)
Роль государства	Преодоление инфраструктурных ограничений	Координация создания ключевой межрегиональной инфраструктуры

Таблица 2

Перспективные направления модернизации промышленности Северо-Восточного Китая

Перспективные направления	Ключевые задачи и инвестиционные проекты
Реструктуризация тяжелой промышленности для создания конкурентной базы для производства оборудования	<ol style="list-style-type: none"> 1. Крупное оборудование для нефтеперерабатывающих заводов и для производства этилена 2. Крупное оборудование для химической переработки угля 3. Крупное металлургическое оборудование 4. Энергетическое оборудование высокой мощности, оборудование сверхвысокого напряжения для передачи и трансформации энергии 5. Крупнотоннажные суда 6. Оборудование для железнодорожных перевозок 7. Станки и производственные системы с цифровым оборудованием
Ускорение развития высокотехнологичной промышленности	<p>Построение высокотехнологичных промышленных цепочек, образование ведущих отраслей и промышленных кластеров с конкурентоспособным ядром со следующими приоритетами:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Промышленность информационных технологий и программных средств (Чанчунь, Далянь) 2. Биологическая промышленность (Чанчунь) 3. Промышленность новых материалов (химические вещества тонкого органического синтеза, порошковая металлургия, нанометаллические материалы и т. д.) 4. Авиастроение и изготовление ключевых деталей двигателей
Оптимизация размещения энергетического производства и структуры потребления	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ключевыми факторами развития должны стать энергосбережение, разработка экологически благоприятных технологий и диверсификация энергопроизводства и энергопотребления 2. Создание угольно-химических энергетических баз и новых центров угледобычи 3. Расширение производства сырой нефти и газа; усиление геологоразведочных работ на нефть; увеличение разработки нефтяного сланца в провинции Цзилинь

Продолжение таблицы 2

Перспективные направления	Ключевые задачи и инвестиционные проекты
	4. Строительство нефтепровода от российской границы. 5. Создание газопроводной системы (магистральный газопровод, связывающий Харбин, Чанчунь, Шеньян и Таншань с десятью «локальными» ответвлениями). 6. Развитие возобновляемой энергетики
Переход к интенсивному использованию сырьевых ресурсов	1. Создание нового типа нефтехимической производственной базы 2. Формирование ведущей мировой базы по производству этилена 3. Создание углехимической промышленности 4. Создание высококачественной металлургии с производством специальных видов стали
Развитие других отраслей	1. Развитие легкой промышленности должно быть направлено на балансировку регионального экономического роста и абсорбцию избыточных трудовых ресурсов 2. Формирование фармацевтической промышленности национального уровня 3. Создание предприятий по производству и интенсивной переработке сельскохозяйственной продукции, биохимических продуктов 4. Усиление текстильной, швейной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности, производства мебели, пластмасс

В части задач модернизации структуры экономики в российской ФЦП «Дальний Восток и Забайкалье» предусматривается «реализация мероприятий по развитию отраслевой структуры экономики региона, в том числе энергетики, транспорта, металлургии, лесопромышленного комплекса на основе государственно-частного партнерства» (табл. 3).

Таблица 3

Ключевые задачи ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года»

Базовые направления	Ключевые задачи
Топливо-энергетический комплекс	Расшивка сетевых ограничений, оптимизация схемы энергогенерации, повышение эффективности использования электрической и тепловой энергии, снижение зависимости от северного завоза и обеспечение поставок газа на электростанции и население
Транспортный комплекс	Строительство и реконструкция автомобильных дорог регионального значения, обеспечивающих связь федеральных автомобильных дорог с населенными пунктами и важнейшими объектами экономики; развитие инфраструктуры авиаперевозок межрегионального и местного значения; реконструкция объектов портового хозяйства, строительство объектов железнодорожного транспорта
Инженерная инфраструктура	Модернизация систем жилищно-коммунального хозяйства
Социальная сфера	Реализация мероприятий по строительству и реконструкции ключевых объектов здравоохранения, культуры и спорта
Развитие водного хозяйства	Обеспечение защиты населенных пунктов от паводков и иных негативных воздействий окружающей среды

По сути, речь идет о **проектах сугубо сырьевой направленности**, когда на российской территории ресурсы только добываются, а конечные продукты, в том числе и высокотехнологичные, производятся на северо-востоке Китая. Как отмечает директор Института экономических исследований ДВО РАН, академик П.А. Минакир, при действительной реализации «минерально-сырьевых» проектов сотрудничества по индустриальному сценарию на юге региона могло

бы начаться реальное создание «контактной промышленно-сервисной дуги. Более того, фактически речь идет о формировании не приграничных дуг, а трансграничных поясов, расположенных на территории как России, так и Китая»²¹. Однако, как показывают примеры (проект строительства завода по производству титановой губки в г. Цзямусы, сырье для которого — ильменитовый концентрат — должно полностью поставляться с Куранахского ильменит-титаномагнетитового месторождения в Амурской области), «концентрация перерабатывающих мощностей и производств конечной продукции сосредоточена в большей степени именно в китайском сегменте этих поясов... Для окончательного вывода относительно характера и последствий данной стратегии действий необходимо как можно быстрее осуществить системную оценку всей программы»²².

В настоящее время в Китае насчитывается более 130 зон освоения новых и высоких технологий, среди них 53 — государственного назначения. 10 объявлены открытыми для иностранных партнеров из стран АСЕАН. Создание таких зон стало толчком для появления так называемого списка целей под названием «Смысл благосостояния», в него входит 7 целей, которые Китай планирует достичь в ближайшее время²³:

- строительство и развитие баз по производству высокотехнологичной продукции;
- ускорение модернизации производства в образцовых районах;
- углубление реформ и ускорение модернизации в специальных экспериментальных районах;

²¹ Минакир П.А. Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // *Пространственная экономика*. 2005. №4. С. 5–20.

²² Минакир П.А. От главного редактора // *Пространственная экономика*. 2009. № 4. С. 4–5.

²³ Никифорова Т.В. Научно-исследовательская деятельность иностранных ТНК в Китае: особенности государственного регулирования // *Инновации*. 2008, № 7. С. 102.

- осуществление стратегии коммерциализации новых технологий и открытости внешнему миру в специальных демонстрационных зонах;
- создание специальных учебных заведений в области высоких технологий;
- изменение традиционного производства при помощи новых технологий;
- строительство современного высококультурного общества.

В России же «стали применяться разнообразные методы бюджетной «поддержки» регионов (дотации, субвенции и иные виды трансфертов из федерального бюджета), обновились механизмы программно-целевого управления решением региональных проблем, стали применяться специальные правовые режимы функционирования территорий (например, особые экономические зоны) и т. д. Однако, по общему мнению, новые методы не дали ожидаемых результатов из-за того, что эти методы применялись в **отсутствие осмысленной концепции государственного регулирования территориального развития**, а поддержка одних регионов, осуществлявшаяся без учета интересов других субъектов Федерации, лишь повышала территориальную дифференциацию и дезинтеграцию. **Многообразие методов регулирования само по себе не могло обеспечить системного эффекта²⁴**».

Государственная поддержка инновационной деятельности: эволюция развития, инновационные реалии и перспективы Китая

На XVII съезде КПК в 2007 г. значительное внимание было уделено инновациям как неотъемлемой составляющей реформ, инновациям в самом широком смысле: в организационной и кадровой областях, в государственном управле-

²⁴ Из доклада Лексина В.Н. «Проблемное поле территориального развития в современной России» // rusrand.ru.

нии и культуре, в практике и теории. XVII съезд КПК также объявил одной из задач создание национальной, основанной не на заимствованиях инновационной системы. За год до этого, в 2006 г., Госсовет принял «Основы государственного плана среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006–2020 годы». Инновационный курс объявлен новой национальной стратегией. Долю расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИ-ОКР) в ВВП предполагается поднять к 2020 г. до 2,5% (в 2005 г. она составляла 1,34%), а вклад научно-технического прогресса в экономическое развитие — более чем вдвое, до уровня выше 60%. Зависимость от импортных технологий снизится до 30%. Китай войдет в первую пятерку стран по числу выдаваемых патентов и по числу ссылок на научные публикации, займет лидирующее положение в науке и технике.

В 2006 г. по расходам на научные исследования Китай с объемом 86,7 млрд долл. и динамикой роста 171,8% за 2000–2006 гг. занимал третье место в мире после США (343,7 млрд долл.) и Японии, потратившей около 138 млрд долл. (у России — 20,1 млрд долл. и 48,4% прироста за 2000–2006 гг.)²⁵. Если в 1995 г. уровень расходов на науку в Китае составлял 0,6% ВВП, то в 2006 г. — 1,42% (у России — 1,08%). Характерный для развитых стран уровень — около 2,5% — Китай планирует достичь к 2020 г. Темп прироста численности ученых в Китае с 2000 по 2006 г. составил 76%, достигнув 1223 тыс. человек. Число ученых в США — 1,3 млн (7,6% — прирост), Россия — на 4-м месте: около 500 тыс. (темпа падения — 8% за эти же годы).

Процесс развития высокотехнологичного сектора экономики Китая происходил эволюционно и имел комплексный характер. «Весной науки» Китая стал 1978 г., когда Правительство Китая во главе с «отцом-реформатором» экономики Дэн Сяопином приняло решение, известное как «модер-

²⁵ OECD, Main Science and Technology Indicators, April 2008.

низация четырех» — промышленности, сельского хозяйства, науки и техники, вооруженных сил. Дэн Сяопин подчеркнул, что наука и техника служат первой производственной силой. Важным ориентиром для страны стали знаменательные слова Дэн Сяопина: «...Китай должен развивать свои новые технологии для того, чтобы занять достойное место в области высокой науки и техники мирового уровня». Политику реформ в области развития высоких технологий Китая можно условно разделить на следующие этапы, которые Э. Махмудов²⁶ образно называет:

- восстановление утраченного (1978–1984 гг.) ;
- трансформация управления (1985–1986 гг.) ;
- точечная коммерциализация (1987–1992 гг.) ;
- догоняющая регионализация (1992–2001 гг.) ;
- обгоняющее развитие (с 2001 г. по н.в.).

На первом этапе ставилась задача достичь уровня технологического развития, который существовал до Культурной революции. Был принят закон об образовании; происходило постепенное восстановление профессиональной деятельности вузов и НИИ; определены в рамках Национальной программы развития науки и техники на период 1978–1985 гг. ключевые направления в области развития высокотехнологического сектора; запущена фундаментальная программа «Ключевые технологии»; восстановление материально-технической базы науки осуществлялось в рамках программы «Ключевые лаборатории». На этом этапе в Китае начали создаваться специальные экономические зоны (СЭЗ).

Второй этап характеризовался реформами, направленными на изменение системы управления наукой и техникой применительно к быстроразвивающимся рыночным отношениям. Принятое в 1985 г. решение о реформировании системы управления наукой и техникой расширило полномочия в управлении научно-технической сферой органами

²⁶ Инновационный Китай // Экономическое обозрение // <http://www.review.uz/page/article/tendencies_of_development/2279/?print>.

управления на местах, созданы предпосылки для расширения сотрудничества между научно-исследовательскими институтами, университетами и предприятиями в области развития высоких технологий, коммерциализации результатов проводимых исследований. Одной из основных целей этого периода стала попытка создания рынка технологий с соответствующими институтами. Принята программа долгосрочного развития Китая в области высоких технологий на период до 2000 г. В 1986 г. создан Государственный комитет фонда естественных наук по финансированию фундаментальных и части прикладных исследований. В марте 1986 г. правительством Китая была утверждена Государственная Программа развития высокой науки и техники («Программа 863»). Программой предусматриваются проведение фундаментальных исследований и разработка новых технологий на базе развития традиционных отраслей. В качестве приоритетных направлений развития наукоемких отраслей были определены следующие:

- микроэлектроника и информатика;
- аэрокосмическая;
- оптико-волоконная;
- генная инженерия и биотехнология;
- новые энергосберегающие технологии;
- природоохранная техника и оборудование для защиты окружающей среды;
- медицинское оборудование.

К концу 1995 г. было зарегистрировано свыше тысячи важнейших научно-технических достижений, из них 560 разработок получили мировое признание, 73 — удостоены государственных премий, 266 — запатентовано за рубежом.

На третьем этапе основное внимание уделялось установлению тесных взаимосвязей между академическими институтами, вузами и предприятиями. Была начата реализация первых инновационных программ, к числу которых следует отнести «Факел», «Искру», «Новые отечественные продук-

ты», «Распространение научно-технических достижений». Программы были направлены на развитие исследований, повышение конкурентоспособности Китая на мировом рынке, подготовку высококвалифицированных специалистов, развитие и создание предприятий по производству высоких технологий, в частности по информационно-коммуникационным технологиям. Принципиальным отличием данных программ стал отход от централизованного планирования, от государственного финансирования исследований в пользу рыночных стимулов и запросов на разработки. Большое внимание уделялось их направленности на решение индустриальных и инфраструктурных проблем на местном уровне. На этом этапе в целях привлечения инвестиций и технологий в наукоемкие отрасли экономики Китая создан целый ряд новых инвестиционных зон по развитию высоких технологий, учреждены зоны экономического и технического развития и зоны по развитию высоких технологий (ЗРВТ). В рамках реализации Программы «Факел» учреждено 53 ЗРВТ государственного значения, в рамках которых созданы предпринимательские и технологические инкубаторы, центры наращивания производительности, включающие консалтинговые и маркетинговые услуги, тестирование продукции, подготовку специалистов и др.

В 1988 г. Китай приступил к реализации общегосударственной научно-производственной программы «Факел», ориентированной на коммерциализацию и индустриализацию наукоемких технологий. Практически эта программа явилась второй стадией «Программы 863». Было учреждено 2500 предприятий, основанных на высоких и новых технологиях, освоено около 4000 видов наукоемкой продукции. В рамках реализации программы «Факел» была создана целая плеяда новых высокотехнологичных предприятий (new technology enterprises — NTE) с благоприятными условиями для их функционирования. Одним из направлений программы явилось создание зон развития новых и высоких техноло-

гий (или технопарков). Их основное назначение — стимулирование высокотехнологичных производств и продвижение продукции на рынок, в том числе и внешний, привлечение в страну зарубежных инвестиций и передовых технологий, а также создание благоприятных условий для коммерциализации научно-технических достижений.

В мае 1988 г. Постановлением Госсовета Китая был учрежден первый технопарк — Пекинская экспериментальная зона развития новых технологий, расположенная в районе Хайдань. На территории зоны общей площадью свыше 100 кв. км расположено около 50 высших учебных заведений, в том числе Пекинский государственный университет и Университет Цинхуа, 130 научно-исследовательских институтов и лабораторий, в которых занято более 100 тыс. специалистов. Уже в 1995 г. в экспериментальной зоне было одобрено создание более 2,5 тыс. инновационных фирм, в том числе около 500 с использованием иностранных инвестиций. Освоено производство около 5 тыс. наукоемких изделий, из которых более 300 удостоены различных международных и государственных премий.

Второй наиболее крупной и успешно развивающейся зоной новых и высоких технологий в Китае является зона «Наньху», получившая государственный статус в 1991 г. Зона расположена в г. Шеньяне на территории площадью в 22 кв. км, где находятся 12 высших учебных заведений, 30 научно-исследовательских институтов и 210 научно-исследовательских лабораторий, 220 предприятий новой и высокой технологии, в том числе 30 компаний с участием иностранного капитала. Общая сумма иностранных инвестиций в научно-технические разработки парка оценивается в 6–7 млн долл. Технопарк «Наньху» специализируется на производстве сенсорной техники, цифровой контрольно-измерительной аппаратуры, робототехники. За время существования зоны разработано и внедрено в производство около 600 новых видов высокотехнологичной продукции. По

подсчетам китайских специалистов, на каждый вложенный юань в «Наньху» приходится примерно 6 юаней стоимости готовой продукции.

Правильный выбор политики в отношении технопарков приводит к их ускоренному развитию, что оказывает существенное влияние на повышение эффективности и технического уровня экономики Китая. Технопарки становятся реальными «локомотивами» научно-технического прогресса.

Государство стимулирует участие фирм (вне зависимости от форм их собственности) в развитии технопарков. Так, предприятия, использующие перспективные технологии, выплачивают подоходный налог в размере 15% от его обычной величины, а фирмы, 70% продукции которых идет на экспорт, — только 10%. Кроме того, вновь созданные предприятия освобождаются от уплаты налогов на два года с момента аккредитации. Если возведение новых корпусов осуществляется за счет внутренних капиталовложений, не взимается налог на строения. Фирмы освобождаются от экспортных налогов при реализации продукции на внешние рынки. На развитие инфраструктуры зон правительство ежегодно выделяет займы и инвестиции. Для привлечения рискованного капитала внедряются системы венчурных инвестиций.

Четвертый этап ознаменовался массовым привлечением иностранных инвестиций, особенно ПИИ, и передовых технологий в экономику страны благодаря тому, что в 1992 г. «политика открытости внешнему миру» была распространена на центральные и западные регионы страны. В 1993 г. была принята национальная стратегия перехода к рыночной экономике, и в том же году правительство приступило к реализации Золотых проектов, направленных на информатизацию экономики. На данном этапе вузы и НИИ поощрялись за создание своих NTE (инициирование в виде эксперимента началось уже в середине 1980-х гг.). С этой целью были созданы государственные, но ориентированные на рыночные условия предприятия, призванные заниматься коммерческим ис-

пользованием технологий, разработанных в государственных научно-исследовательских институтах. К числу таких предприятий относятся и четыре крупнейших производителя персональных компьютеров в Китае: Legend, Founder, Stone и Great Wall. Правительство предоставило китайским изготовителям компьютеров и электроники **налоговые льготы** и в значительной мере защитило их интересы от зарубежных конкурентов. В связи с этим был принят закон, по которому иностранные компании могли выйти на китайский рынок, только основав совместное предприятие с китайской фирмой. Американские, европейские, японские и тайваньские изготовители электронного оборудования в массовом порядке стали размещать в КНР свои производства и давать крупные подряды местным компаниям, что позволило Китаю с 1997 по 2000 г. **удвоить выпуск компьютерного оборудования** и выйти на второе место в мире после США. Чтобы преодолеть отставание в производстве программных продуктов, в 2000 г. для предприятий этой отрасли правительство ввело **ряд различных льгот и отменило ряд административных ограничений**. Так, фирмы с оборотом более 1 млн долл. в год получили право непосредственной продажи своей продукции зарубежным клиентам, а для международной сертификации компаний-разработчиков государство оказывало финансовую помощь. Эти меры позволили уже в 2001 г. увеличить объем продаж программного обеспечения внутри КНР на 39% — до 4 млрд долл., а объем экспорта — с 400 млн до 750 млн долл. Для стимулирования выпуска более сложных программных продуктов **министерствам и ведомствам было предписано использовать отечественные операционные программы**. Кроме того, КНР вместе с Японией и Южной Кореей приступила к разработке **общеазиатского варианта операционной системы**, призванного стать альтернативой Microsoft Windows.

Данный этап также характеризуется активным становлением институтов венчурного финансирования. В период

1995–2004 гг. их количество достигло 217. В Китае существует несколько разновидностей венчурных фирм: государственные (регулируемые и финансируемые местными органами власти), университетские венчурные фирмы (специализирующиеся на финансировании проектов NTE на ранних стадиях), корпоративные венчурные фирмы (существующие за счет средств китайских компаний, частных инвесторов и зарубежных фирм) и зарубежные венчурные фирмы.

В 1996 г. была начата реализация научно-технической программы социального развития до 2010 г., направленной на повышение качества жизни и улучшения среды обитания, гармонизацию отношений человека с природой и содействие научно-техническому прогрессу в социальной сфере. Эта программа охватывает здравоохранение, совершенствование коммунального хозяйства, рациональное использование и охрану природных ресурсов, улучшение экологической среды, превентивные меры против стихийных бедствий.

После возвращения Гонконга правительство страны приняло активные меры для перестройки его экономической структуры с целью создания на его базе регионального «мозгового центра». В качестве приоритетных направлений развития наукоемких отраслей становятся электронная и электротехническая промышленность. К настоящему моменту в Гонконге созданы два научно-производственных парка, специализирующихся на разработке новых поколений электронной техники. К этой работе подключен вновь созданный Университет науки и технологии, а также научно-исследовательский центр одной из крупнейших американских ТНК — Motorola. Рассматриваются планы организации третьего технопарка на новой территории, которую предполагается освоить путем осушения морских прибрежных районов.

В 1998 г. государством была инициирована экспериментальная работа по проекту «созидания новых знаний», на которую в течение трех лет было выделено 4,8 млрд юаней

(около 600 млн долл.). Целями проекта являлись создание функционального механизма интеллектуального новаторства и организация международных центров знания. В том же году правительство КНР выделило 1 млрд юаней (около 120 млн долл.) на учреждение Фонда средних и малых предприятий научно-технического профиля, предназначенного для создания механизмов рискованных инвестиций и трансформации научно-технических достижений в реальное производство. Таким образом, предполагалось обеспечить быстрое развитие МСП с высокой технологичностью и конкурентоспособностью.

На пятом этапе, начавшемся в 2001 г., пятилетним планом развития на 2001–2005 гг. сектор ИКТ определен как ключевое направление долгосрочного развития Китая. Сейчас в КНР реализуется стратегический план развития науки и техники, охватывающий 2002–2020 гг., в котором предусмотрен качественный скачок: **переход от подражания к самостоятельному новаторству** в развитии высоких технологий. Проводится политика, направленная на повышение доли ИКТ в ВВП, увеличение доли высокотехнологичных предприятий; увеличение доли ИКТ в экспорте, увеличение числа пользователей телекоммуникационными услугами (мобильная и стационарная связь, Интернет и пр.). После вступления Китая в ВТО снизились барьеры для экспорта на развитые рынки его высокотехнологичной продукции, которая уже является достаточно конкурентоспособной благодаря ценовому фактору. Видимо, благодаря этому в 2004 г. Китай, обогнав США, впервые стал крупнейшим в мире экспортером продукции ИКТ (180 млрд долл.).

По данным Global Information Technology Report, в 2002–2003 гг. Китай занял 13-е место в мире по внедрению государственных программ в продвижении ИКТ, при этом США в этом списке заняли 15-е место. Общеизвестно, что различные государства используют разные стратегии в развитии ИКТ-индустрии. В частности, определенные группы стран

специализируются на ПО (Software), другие — на аппаратном обеспечении (Hardware), электронике, телекоммуникационном оборудовании, телекоммуникационных услугах (мобильная и стационарная связь, Интернет и др.). Китай — одна из немногих стран мира, которая в развитии собственной ИКТ-индустрии охватила все эти направления и развивает их достаточно успешно.

Кроме того, в стране эффективно действует система государственной и общественной поддержки и развития инновационных МСП. Общественная поддержка осуществляется через систему некоммерческих и профессиональных ассоциаций, организующих комплекс мероприятий по продвижению новых научно-технических идей. Государственная система поддержки таких предприятий предусматривает технологическую поддержку МСП, осуществляемую на основе бесплатного или льготного предоставления предприятиям результатов научно-технических разработок, выполненных в государственных НИИ и лабораториях, а также путем своевременной информационной и консультационной поддержки предпринимателей.

Помимо разработки льготных условий центральным правительством, местные администрации на уровне провинции, городов, уездов и Комитеты по управлению делами зоны также вырабатывают дополнительные льготные положения, в целях поощрения и привлечения отечественных и зарубежных инвесторов. Например, предприятия в зоне освоения новых и высоких технологий г. Харбина пользуются следующими основными льготами:

1. С даты аккредитации они полностью освобождаются от подоходного налога за первые три года, 50% налога (по тарифу — 7,5%) оплачивают за вторые три года, с 7-го года платят подоходный налог полностью (по тарифу — 15%).

2. Предприятия, чей объем экспортного производства превышает 50% от годовой валовой продукции, оплачивают подоходный налог по тарифу 10% (после получения утверждения местного налогового бюро).

3. Импортируемые приборы и оборудование, предназначенные для проведения исследований и освоения высоких технологий, которые не имеет возможности выпускать местная промышленность, освобождаются от таможенной импортной пошлины (после получения утверждения соответствующих органов).

4. Предприятия пользуются рядом льготных условий при проведении капитального строительства на территории зоны.

Также активно используются в качестве инструмента стимулирования инновационного развития конкурсы и выставки.

В 2006 г. по инициативе Министерства науки и техники, Комитета по контролю и управлению государственным имуществом при Госсовете КНР и Всекитайской федерации профсоюзов на 287 предприятиях проходил эксперимент, призванный подтолкнуть компании к укреплению инновационного потенциала. **Звание «Инновационное предприятие»** присваивается тем фирмам, которые имеют собственный бренд и благодаря техническому новаторству обладают относительно высокой конкурентоспособностью на мировом рынке. 91 ведущая компания страны вошла в первый список инновационных предприятий. За два года расходы указанных предприятий на исследования и разработки возросли более чем на 50%.

Большой вклад в развитие инновационных предприятий — международная выставка в Шанхае ЭКСПО 2010, которая позволяет миру познакомиться с возможностями Шанхая как инкубатора инновационной индустрии. Некоторые эксперты считают, что Шанхай официально будет присоединен к **«сети инновационных городов»**, а значит, этот город ждет новый раунд подъема развития инновационной индустрии. Эксперт по инновационным городам ЮНЕСКО ООН Грим Эвинс считает, что Шанхай и весь Китай должны в полной мере использовать возможности ЭКСПО, ускорить процесс развития инновационной индустрии.

Быстро развивающаяся экономика Китая нуждается в высококлассных специалистах. Страна посылает сотни тысяч молодых людей в лучшие зарубежные университеты. Обратная сторона такой открытости — «утечка мозгов». В конце прошлого века до 90% китайских студентов, обучавшихся в университетах США, планировали по окончании докторантуры остаться в Америке. Руководство Китая делает все возможное, чтобы смягчить эту проблему. Как китайским, так и иностранным исследователям, работающим в КНР, разрешено свободно покидать страну и возвращаться в нее, а также перемещать заработанные деньги. **Вернувшимся из-за границы ученым предоставляются четырехлетние исследовательские гранты** на сумму до 1 млн юаней, под них создаются технопарки и бизнес-инкубаторы. Разработаны специальные программы (такие, как «**100 талантов**» и др.) привлечения в страну особо одаренных соотечественников.

«**План тысячи человек**», действующий в настоящее время в Китае, — план высшего уровня по привлечению зарубежных высококвалифицированных специалистов в страну. КНР планирует построить **инновационную предпринимательскую базу для зарубежных высококвалифицированных специалистов**, а также за 5–10 лет привлечь около двух тысяч зарубежных и китайских (лица, получившие образование за рубежом) специалистов для того, чтобы они вернулись (приехали) в Китай заниматься научной деятельностью и открывать собственный бизнес. ЦК КПК уже утвердил 23 предприятия центрального подчинения на строительство базы для специалистов, которая объединяет в себе ряд ведущих специальных научно-технических проектов, в том числе большие самолеты и интеллектуальную электрическую сеть, а также некоторые ключевые технические проекты, такие как низкоуглеродная экономика, новые источники энергии и новые материалы. База представляет новое направление в мировой технической революции, а также демонстрирует будущее научно-технического развития Китая.

К 2000 г. 60% ИиНТР в Китае велось частными предприятиями, на государственные институты приходилось 29% и на университеты — 9%. В России — картина, зеркальная китайской: 60% финансирования в ИиНТР — за госсектором и только 29% — за бизнесом, 7% — заграничного происхождения. Вопрос коммерческих инвестиций в ИиНТР упирается в деловой климат в стране. Пока царит коррупция, пока нормы прибыли при простых перепродажах велики (что характерно для коррупционной экономики без реальной ценовой конкуренции), пока нет гарантийных механизмов для инвестиций и надежных стратегий выхода, частный капитал не пойдет в наукоемкие производства. Государство в Китае между тем уже перешло к следующему шагу развития частных ИиНТР. Оно предоставляет бесплатные офисные и производственные площадки для региональной науки и парков технологий. Оно дает беспроцентные займы и доступ к работе самых активных профессоров и найму самых способных студентов²⁷.

Бесспорно, в России наблюдается рост элементов инновационной инфраструктуры. К настоящему времени уже зарегистрировано более 80 технопарков, еще больше инновационно-технологических центров, имеется более 100 центров трансфера технологий, около 10 национальных инновационно-аналитических центров, 86 центров НТИ, 62 бизнес-инкубатора, 15 центров инновационного консалтинга²⁸. Но, несмотря на принимаемые усилия, нельзя утверждать, что Россия встала на путь инновационного развития. Эффективное государственное управление инновационным процессом сегодня практически отсутствует²⁹,

²⁷ Крылов Д. Китайская модернизация: говорить и делать // РФ сегодня. 2010, № 5.

²⁸ Голиценко О.Г. Современная технологическая революция и новые возможности инновационного развития «догоняющих» стран // Инновации. 2010, № 3. С. 12.

²⁹ Черешнев В.А. Институциональные и организационно-правовые условия формирования инновационной среды для модернизации экономики // Инновации. 2010. № 5. С. 37–42.

хотя, по словам академика Макарова В.Л., «сдвиг в сторону инновационной экономики в России наметился»³⁰.

В своем выступлении на совещании по вопросам модернизации и технологического развития экономики в мае 2009 г. Президент РФ Д. Медведев констатировал: «Основная проблема заключается в том, что, несмотря на правильные программные установки, никаких существенных изменений в технологическом уровне нашей экономики не происходит. И это особенно очевидно в период глобального финансово-экономического кризиса. Пока не показали серьезных результатов ни малые фирмы, которые мы пытались создавать и пытаемся создавать, ни технопарки, ни различного рода центры трансферта технологий, всякого рода новые формы, которые мы пытаемся использовать, ни российская венчурная компания, ни технико-внедренческие особые экономические зоны. Все это в основном, надо признаться откровенно, существует только на бумаге. Проблематика модернизации экономики — создание инновационной экономики — больше не должна оставаться абстрактной. Мы не можем позволить себе просто заявить это в качестве абстрактного приоритета и ничего не делать, потому что все, что ни делалось до последнего времени, еще раз, повторяю, к сожалению, не принесло необходимого результата. ... Работа должна вестись в абсолютно практической плоскости... И это должны быть вполне конкретные предложения. Только тогда они имеют шансы на успех»³¹.

В ходе визита Дмитрия Медведева в Китай в октябре 2010 г. отмечалось, что сотрудничество между Россией и Китаем имеет огромное значение для успешного проведения модернизации в нашей стране. Однако громкие заявления

³⁰ Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. Под ред. Мильнера Б.З. М.: Инфра-М, 2009. 624 с.

³¹ Вступительное слово на совещании по вопросам модернизации и технологического развития экономики // <http://archive.kremlin.ru/appears/2009/05/15/1701_type63378type82634_216352.shtml>.

о новом витке российско-китайского высокотехнологического сотрудничества пока не находят адекватного развития в коммерческих контрактах. Основное наполнение визита президента Дмитрия Медведева в КНР по-прежнему составляют сырьевые проекты. Как отмечают эксперты, даже проекты в сфере атомного сотрудничества не могут скрыть печальную картину: России почти нечего предложить Китаю в сфере высоких технологий (Сергей Куликов, «Независимая газета»). По мнению Бориса Титова, главы «Деловой России», члена российской делегации, «Россия сегодня не так богата инновациями, хотя креативность наших ученых и наличие научного потенциала остаются нашим конкурентным преимуществом. Получается, что они — реализаторы, а мы — инноваторы»³².

Основные инструменты реализации социально-экономической политики в условиях кризиса

О результатах антикризисной программы КНР можно судить по основным макроэкономическим показателям, которые демонстрирует китайская экономика в текущем году. С начала 2009 г. наблюдается положительная динамика роста объемов ВВП. Признаком эффективности антикризисных мер является ускорение темпов роста промышленного производства. Китай — одна из немногих стран мира, где с начала мирового финансового кризиса объем кредитования увеличился.

Другим положительным результатом антикризисной программы КНР является реализация крупномасштабных инфраструктурных проектов, особенно в области транспортных коммуникаций, энергетики и жилищного строительства. Антикризисный пакет предоставил уникальную возможность для развития множества отраслей промышленности Китая — цементной, сталелитейной, автомобильной,

³² Медведев Китаю: ресурсы без модернизации // <http://rusrand.ru/pubpoll/pubpoll_295.html>.

нефтехимической, легкой, строительной, а также транспорта, цветной металлургии, производства бытовой техники, сферы защиты окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Особенного внимания заслуживают достижения в области автопрома. Предоставление налоговых льгот на покупку автомобилей привело к значительному росту их продаж в стране, в результате чего на фоне проблем мировой автомобильной индустрии Китай стал крупнейшим автомобильным рынком в мире. Китайское правительство будет поощрять использование автомобилей, работающих на энергосберегающих двигателях или новых источниках энергии, в первую очередь в сфере общественного транспорта, государственной службы, коммунального хозяйства, почты и др. Размер пособия для покупки гибридных легковых автомобилей — 50 тыс. юаней (7321 долл.), электромобилей — 60 тыс. юаней (8785 долл.), водородных — 250 тыс. юаней (36 603 долл.).

Принимаемые меры должны не только блокировать углубление и **расширение кризиса, но и подготовить последующий рынок уже на новой научно-технологической основе.**

Анализ директив китайского руководства по итогам заседаний Госсовета КНР (3 декабря 2008 г.; 15, 29 апреля и 6 мая 2009 г.) позволяет заключить, что на данном этапе реализации антикризисной программы основные усилия правительства сосредоточены на следующих направлениях.

1. Нарращивание инвестиций.

С начала 2009 г. проводится активная работа по реализации планов «оживления и урегулирования» в таких отраслях промышленности, как текстильная, металлургическая, автомобильная, производство оборудования разного назначения. Реализация крупных инвестиционных проектов внутри Китая, как было заявлено его руководителями, поможет осуществить «мягкую посадку» в условиях кризиса, смягчить его негативные социальные последствия, в том числе и связанные с безработицей. Правительство предусмотрело

выделение 1 трлн юаней на сооружение 9 атомных электростанций, свыше 1 трлн юаней на 2009–2010 гг. выделяется для сооружения скоростных железнодорожных магистралей. К 2020 г. они соединят все провинциальные столицы, а также города с населением более 200 тыс. человек, где в общей сложности проживает более 1 млрд человек. Запланировано построить 50 железнодорожных, 67 авиационных, 140 шоссе-ских и 50 водных транспортных узлов. К концу 11-й пятилетки будет насчитываться примерно 150 аэропортов, из них 45 — вновь построенных, в результате чего 75% административных центров будут находиться в полтора часа езды от аэропортов³³.

Следующие три меры работают друг на друга и тесно увязаны между собой.

2. **Повышение внутреннего спроса и розничных продаж населению.** В этом комплексе мероприятий упор делается прежде всего на активизацию работы в менее развитых сельских районах страны — центральных и западных. Осуществление проектов по электрификации китайской деревни, где проживает более 700 млн человек, позволит заметно увеличить продажу на селе различных видов промышленной продукции. Например, введенный в действие «трехлетний план» стимулирования покупательной способности сельских жителей (рассчитан до 2012 г.) даст возможность китайским предприятиям реализовать на селе значительное количество произведенных бытовых электроприборов. Таких товаров планируется продать не менее 600 млн штук на сумму 1,6 трлн юаней (230 млрд долл.). Внутренний спрос должен также оживиться с помощью налоговой сферы, касающейся тех норм и правил, которые нарушают или ущемляют права потребителей.

3. **Обеспечение стабильного развития сельского хозяйства.** Особое внимание обращается на регулирование рынка

³³ Гельбрас В. Тридцатилетие эпохи «открытости и реформ» в Китае // МЭиМО, 2009, № 6. С. 82.

сельскохозяйственных товаров. Эта сфера экономики традиционно является одной из важнейших для страны, поскольку она связана с продовольственным обеспечением населения, снабжением промышленности сельхозсырьем, занятостью 700 млн крестьян и сохранением устойчивой социально-политической обстановки. Уже в 2008 г. были значительно увеличены комплексные дотации на средства сельскохозяйственного производства и элитные сорта зерновых; трижды значительно повышались минимальные закупочные цены на зерновые, расширился импорт дефицитной в стране сельскохозяйственной продукции и важнейших видов сырья, введены строгие ограничения на экспорт зерна, химических удобрений и т. п., упорядочен и усилен контроль в отношении запасов наиболее важных видов товаров.

4. Укрепление социальной сферы. На этом направлении приоритетными проблемами остаются сохранение старых и создание новых рабочих мест, реформирование системы здравоохранения, социального обеспечения и снабжения населения лекарствами. К концу 2009 г., как было заявлено, все уволенные с обанкротившихся госпредприятий работники будут охвачены общей системой медицинского страхования, которая действует для рабочих и служащих в городах и поселках. Правительство намерено заняться и совершенствованием системы оплаты труда преподавателей, работающих в системе обязательного школьного образования.

5. Стабилизация экспорта и импорта. Проводится «упорядочение» экспортных ограничений, государство поддерживает (кредитами) поставки за рубеж новой и высокотехнологичной продукции, а также товаров, производство которых требует больших трудовых затрат. В целях оказания государственной поддержки для стабилизации экспорта в 2008 г. четыре раза корректировались в сторону повышения ставки возврата налогов на экспорт текстиля, готовой одежды и прочих видов трудоемкой продукции, а также товаров с высокой добавленной стоимостью, технологичной и науко-

емкой продукции. Отменены вывозные пошлины на часть стального проката, продукции химической отрасли и зерновых, снижены экспортные пошлины на некоторые виды химических удобрений и, соответственно, скорректированы методы налогообложения. В целом в 2008 г. для поддержания экспорта правительство КНР снизило экспортные налоги на 3770 товаров. В результате в марте 2009 г. по сравнению с январем-февралем того же года экспорт одежды увеличился на 72,5%, мебели — на 78,1%, обуви — на 42,6%, чемоданов — на 90,7%.

6. Развитие высокотехнологичных отраслей производства. С этой целью в Китае формируются новые «точки роста» с упором на поиск новых источников энергии, ее экономию и защиту окружающей среды, развитие информационных и телекоммуникационных систем, современного сервиса, производства новых лекарственных препаратов. Будут ликвидированы те нормы и правила проведения торгов (аукционов), которые ставят произведенные внутри страны товары в неравное положение с импортируемыми. В рамках оказания помощи развитию малых и средних предприятий из центрального и провинциальных бюджетов было выделено 28,64 млрд юаней на стимулирование их инновационной деятельности, качественное обновление продукции и освоение международных рынков.

7. Совершенствование системы финансовой поддержки экономического развития страны. Больше внимания планируется уделять вопросам регулирования спроса и предложения на рынке капиталов, обеспечения кредитами средних и малых предприятий, защиты от финансовых рисков, контроля над сборами налогов и расходованием средств.

В целях облегчения налогового бремени предприятий и населения был введен в действие новый закон о подоходном налоге с предприятий, способствующий снижению соответствующей фискальной нагрузки. Повышен стандартный необлагаемый личным подоходным налогом минимум в от-

ношении доходов от заработной платы, временно отменены личные подоходные налоги на проценты по сберегательным вкладам и по расчетным средствам в операциях с ценными бумагами. Предприняты финансовые и налоговые меры по поддержке строительства недорогого арендуемого и доступного жилья, а также развитию рынка аренды жилья. Снижено налоговое бремя в отношении осуществления сделок с недвижимостью. Скорректирована политика акциза на автомашины. Предприятиям, оказавшимся в трудном положении, разрешено на поэтапной основе отсрочить внесение взносов на соцстрахование, при этом снижены ставки по четырем категориям взносов в этой области. Усовершенствована система кредитных гарантий для малого и среднего бизнеса, включая выдачу премий и дотаций на осуществление операций по предоставлению таких гарантий.

До конца 2010 г. в стране введен особый режим экономии государственных денежных и материальных средств, усилена ответственность партийных и правительственных чиновников всех уровней за нарушение финансовой дисциплины. Основанием для этих мер служит принятое в конце февраля 2009 г. «Уведомление ЦК КПК и Госсовета КНР по некоторым вопросам экономии средств партийными и государственными органами» («Восемь требований»).

Для сравнения остановимся на развитии транспортной инфраструктуры в России. Согласно ФЦП «Развитие транспортной системы России» на 2010–2015 гг., подписанной 20 мая 2008 г., планировались самые масштабные инфраструктурные инвестиции за всю историю страны — за пять лет государство было готово потратить на отрасль 4,65 трлн руб. (1,9 трлн из них — в 2010–2012 гг.). Но кризис изменил инвестиционные планы, одной из главных пострадавших оказалась транспортная программа. Ее финансирование Минфин предлагает сократить в 2,3 раза от запланированного на 2010 г. уровня. С целью поддержания темпов строительства объектов транспортной инфраструктуры и сниже-

ния финансовой нагрузки на бюджеты субъектов РФ при строительстве и реконструкции автодорог по предложению Минтранса принято постановление правительства, которым предусматривается снижение минимального размера финансирования объектов из бюджетов субъектов РФ с 20 до 5% объема, отдельно стоит отметить необходимость введения льготного налогообложения организаций по уплате налога на имущество и земельного налога аэродромов, морских и речных портов. В целях привлечения инвестиций в дорожное хозяйство и снижения издержек при производстве дорожно-строительных работ принято решение о создании централизованного механизма лизинга для поставок техники для нужд дорожного хозяйства на базе ОАО «Государственная транспортная лизинговая компания», а для привлечения инвестиций в строительство автодорог создается государственная компания «Российские автомобильные дороги». Не исключено, что испытать платные автодороги в деле россияне смогут уже в 2011 г.³⁴

Специалисты подсчитали, что строительство одного километра четырехполосной дороги в Китае обходится в 2,9 млн долл., в Бразилии — в 3,6 млн долл., в России — в 12,9 млн долл. Но это в среднем. Так, на участке автодороги Москва — Санкт-Петербург стоимость составляет уже 134 млн долл. за 1 км, для Западного скоростного диаметра Санкт-Петербурга — 142 млн долл. за 1 км, для Четвертого транспортного кольца Москвы — около 400 млн долл. за 1 км. И это при том, что в Поднебесной под многими асфальтированными автострадами находятся «подушки» из бетонных плит, что существенно увеличивает срок эксплуатации автострады как минимум до 20–25 лет, в России же дороги с бетонной подушкой почти не строят. Не менее интересна и другая статистика. Начиная с 1995 г. в России протяженность автомобильных дорог увеличилась на 5 тыс. км, а в Китае

³⁴ <<http://asninfo.ru/asn/1463/26270>>.

только за последнюю пятилетку построено почти в 100 раз больше³⁵. Китай сейчас за 10 дней строит примерно столько дорог, сколько Россия за весь 2008 г.³⁶

Можно еще раз убедиться, что чем более разработана национальная стратегия в стране, тем более эффективны ее государственные антикризисные программы.

Заключение

Некоторые критики китайских успехов ссылаются на значительное различие в *исходных* позициях двух стран: душевой доход в Китае в начале реформ был намного ниже, и поэтому имелись благоприятные возможности для того, чтобы догнать Россию. Однако Китаю пришлось одновременно решать задачи и перехода, и развития. Сравнение показателей экономик Китая и РФ еще раз наглядно подтверждает, что главным является не столько пассивная «бережливость», сколько активное развитие. Сегодня Китай — это не просто одна из наиболее динамично развивающихся стран по причине очень низкого стартового уровня, а страна, которой удается ввиду наиболее **эффективного сочетания** различных составляющих экономической политики (цели — средства, стратегии — тактики развития, взаимодействия государства, регионов, бизнеса, общества; традиции — новации) стимулировать и ускорять модернизацию своей экономики. Китай выступает с моделью всеохватывающей и увязанной воедино модернизации, которую характеризуют удачные пропорции между отдельными компонентами — экономическими, политическими, идеологическими, сформированными целенаправленной научной стратегией и реализуемой на практике структурной политикой. При этом успех этой модели во многом обусловлен удачным синтезом традицион-

³⁵ <<http://bolbat.ru/wps/2010/05/07/stoimost-stroitelstva-dorog-v-rossii/>>.

³⁶ Россия в цифрах. Официальное издание. Федеральная служба государственной статистики, 2009, табл. 18.9.

ного и современного, стремлением найти альтернативу как вестернизации, так и «советизации», а также своеобразный компромисс между глобальным универсализмом и сохранением цивилизационной идентичности.

Это помогает Китаю отстаивать и демонстрировать всему миру свою уникальность и отличительность. По мнению Хуан Пина, «это новая, самостоятельная экономическая формация, возникшая при взаимодействии видимой руки (власти) с невидимой рукой (рынком) и испытывающая влияние китайской культуры»³⁷. На определенные пробелы в современной экономической науке, препятствующие объяснению китайского чуда, указывает другой китайский экономист — Линь Ифу³⁸. Ценность китайской модели в том, что она обогащает знание человечества о законах и путях социального развития, способствует многообразному развитию человеческой цивилизации в эпоху глобализации и пригодна для решения не только текущих, но и перспективных задач развития.

За годы рыночных реформ в России, к сожалению, не появилось четких целей и задач экономического строительства. Под такие позитивные цели, как удвоение ВВП, борьбы с бедностью, а теперь и активная модернизация страны, четкая государственная идеология отсутствует. В стране пока нет явных результатов целенаправленного и взаимоувязанного функционирования системы не только долгосрочного (5–20 лет), но и краткосрочного государственного развития и планирования. В то время как наше население, к великому сожалению, уменьшается, китайские граждане, хватаясь за любую работу, выживают и идут вперед. Своеобразие российской экономики включает также в объективно обусловленной слабости предпринимательских традиций. Нам

³⁷ Хуан Пин. «Пекинский консенсус» или «китайский опыт»? // <www.theory.people.com.cn/GB/41038/3802633>.

³⁸ Линь Ифу. Современной теории трудно объяснить китайское экономическое «чудо». 20.12.2007.

есть чему поучиться у Китая: главное — в понимании того, что для развития хороши все средства. Обмен опытом в решении по сути схожих проблем, а также сотрудничество по энергетическим, сырьевым и научно-техническим и другим программам между Россией и Китаем будет способствовать укреплению экономик обеих стран.

Список использованных источников:

Дружинин С. Китай штампует автомобильные новинки // <<http://www.chinapro.ru/rubrics/1/915/>>.

Карлусов В. Китай: антикризисный потенциал экономики и меры борьбы с мировым кризисом // Вопросы экономики, 2009, № 6.

Китай и Россия. Развитие экономических реформ. М.: Наука, 2003.

Китай и Россия: общее и особенное в социально-экономическом развитии. М.: Наука, 2005.

Китай и Россия: социально-экономическая трансформация // Под ред. Л.В. Никифорова, Т.Е. Кузнецовой, М.Б. Гусевой; Институт экономики РАН. — М.: Наука, 2007.

Китай становится ведущим научным центром мира // <<http://www.svobodanews.ru/Article/2006/12/11/20061211140926833.html>>.

Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия 2050: стратегия соразвития, М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006.

Ли Цзиньвэнь. Роль государственного регулирования в реформировании и развитии экономики Китая, Проблемы теории и практики управления 1997, № 4.

Малое предпринимательство Китая // <<http://www.gias.ru/>>.

Михеев В. Китай: опыт стратегии «сфокусированного» развития // Институт Дальнего Востока РАН, <<http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmod>>.

Майкл Д. Интрилигейтор Чему Россия могла бы научиться у Китая при переходе к рыночной экономике // <<http://www.rossija.info/view/3028/>>.

Полтерович В.М. На пути к новой теории реформ // <<http://rusref.nm.ru/vmp1.htm>>.

Смирнов А. Китайская экономика: секреты восходящего мирового лидера // <<http://www.kreml.org/opinions/151797995>>.

Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. СПб.: Питер, 2004.

Сяоцю У. Экономический рост Китая и главные принципы управленческой политики // Проблемы теории и практики управления, 2000, № 1.

Фишмен Т. КИТАЙ, INC. Восход сверхмощного глобального конкурента. М.: ЭКСМО, 2007.

Дингуй Х. Китай: подходы и особенности экономических преобразований // <<http://chinapro.ru/economy/2/>>.

Чуприн И. Китай в январе вышел на первое место в мире по объему автопродаж // <<http://www.gian.ru/economy/20090206/161118008.html>>.

Синьчэн Чж. Экономическая реформа в Китае: достижения и задачи // Проблемы теории и практики управления, 1997, № 2.

Ясин Е., Снеговая М. Институциональные и культурные ограничения догоняющих стран // Вопросы экономики, 2009, № 11.

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (Г.П. Воронин):

Все-таки главный показатель — это качество жизни. Когда мы сравниваем страны, да, есть прыжки, есть скачки, но на сегодняшний день в Китае 800 млн бедных людей из этих полутора миллиардов. Конечно, счастливая жизнь наступит тогда, когда как-то это дело выровняется. Вы такие схемы делали, если да, то, пожалуйста, расскажите, и сравнение качества жизни и в России, безусловно.

Ответ:

Безусловно, у этих 800 млн китайцев, это сельское население, доход на душу населения существенно ниже среднего показателя по стране в 5000 долларов, им он и не снился.

Г.П. Воронин:

Это не только сельское население.

Е.Л. Андреева:

Согласно показателю бедности, в Китае 10% населения живут за чертой бедности, а у нас — 17%. Да, это разная бедность. Если исходить из своего личного опыта нахождения в Китае и общения с местным населением, можно привести в пример нашего гида, который говорил, что китайцы готовы поддерживать любую систему, главное, чтобы была ощутимая выгода для каждого. Очевидно, он, как представитель страны, эту выгоду видит. Показательны те последние меры, которые делаются: строится инфраструктура на селе, это колоссальные вложения в повышение покупательного спроса, субсидии и дотации, которые даются на покупку техники, элитных сортов зерна, субсидии на покупку бытовых приборов, создание сетевых магазинов в селах. Все цифры у меня в докладе есть. Это свидетельствует о том, что правительство этим озабоченно. Если для сравнения взять уровень и качест-

во жизни сельского населения в России, выливающегося в конечном итоге чаще всего в запустение сел и деревень, то можно говорить лишь об аграрной трагедии. С 1987 г. я могу наблюдать по полям между Екатеринбургом и Челябинском: если раньше на них что-то выращивалось (кукуруза, подсолнечник и т. п.), то теперь там в большей части запустение. Да, конечно, не самые лучшие климатические условия, но ведь в эти же условия готовы приезжать китайцы, работать и выращивать урожай. Можно привести пример Тюмени, там еще более суровые условия, но в Тюменской области приходилось видеть и теплицы, и покупать по дороге помидоры. Значит, если поставить себе такую цель, можно что-то сделать в любых условиях?

Вопрос (С.С. Сулакшин):

У меня два вопроса. Можно ли перечислить, загибая пальцы, пять первых позиций принципиальных государственно-управленческих решений выбора в российской модели социально-экономической и в китайской модели социально-экономической? Сравнимы ли они? Противопоставимы ли они? Сопоставимы ли они? Может, не пять, а три первые позиции. Потом задам еще один вопрос.

Ответ:

Безусловно, государственное управление предполагает задание целевых ориентиров. Я считаю, что китайцам это удастся. Это их явная установка на лидерство, которая была нам свойственна в годы СССР. На сегодняшний день у нас такого понимания, ради чего и за чем массы народа должны идти, безусловно, нет, отсюда нет их вовлеченности и заинтересованности. Следующее решение — в отношении основных инструментов социально-экономической политики. В Китае эти инструменты работают друг на друга, есть, например, четкая согласованность региональной, инновационной и экспортной политики. Это показано в моем докладе. В России каждой из

этих политик в отдельности уделяется большое внимание, но почему-то вместе они не дают ожидаемого результата. И третье, закономерное продолжение управленческого процесса — оценка результативности проводимой политики. У Китая это многие передовые позиции и достижения в различных сферах и областях. У нас это пока лозунги, остающиеся в большинстве случаев на бумаге. То есть проводимая политика в Китае более согласованная, есть четкая цель и работающие друг на друга инструменты, когда одно обуславливает другое, соответственно, есть и результат.

С.С. Сулакшин:

Апеллирую во втором вопросе к Вам как к человеку, погруженному в эту тему, готовившемуся, знающему множество сопоставительных количественных характеристик китайской и российской ситуаций. Прошу Вас за две минуты провести такой мысленный эксперимент: если бы 10 лет назад российская модель, социально-экономические решения, способы действия ЦБ России, бюджета, региональные политики, социальные политики, инвестиционные политики были бы применены в Китае, а соответственно, те решения, которые были в Китае приняты, были бы применены в России. Каков был бы результат, на Ваш взгляд?

Е.Л. Андреева:

Две минуты — конечно, очень мало для такого занимательного эксперимента. Если предположить долю шутки, то мы должны бы были готовиться к празднованию 93-й годовщины, а через семь лет такой круглой и звучной даты — 100-летия Великой Октябрьской революции. Тогда ученики школ имели бы представление, что это такое, что не помешало бы знанию истории своей страны. Наверное, они даже бы лучше владели родным языком, чего, к сожалению, не скажешь, про сегодняшних выпускников и студентов. А если всерьез, я считаю, что даже китайцы с их усердием и гибкостью не смогли

бы безболезненно выйти из возникшего в случае подобного российскому «шокового» варианта перехода, тем более с их экологической проблемой. Если сейчас у них используются такие административные меры, как ограничительный порядок выезда (соотнесение цифр на номере машины с днями недели) и подачи электроэнергии, то в случае неуправляемого рынка страна бы неизбежно столкнулась с экологической катастрофой. Вариант китайского пути, я думаю, был бы более приемлем для российской действительности и не повлек бы за собой таких социальных и психологических катаклизмов, какие пришлось пережить населению страны в 1990-е годы.

Вопрос (О.Ф. Шабров):

У Вас в докладе фигурирует инновационная карта России. Что значит инновационная? По каким показателям? Все эти градации по какому параметру идут?

Ответ:

При определении уровня инновационности берется набор стандартных показателей, таких как число научно-исследовательских учреждений, число занятых в научно-исследовательской сфере, затраты на НИОКР, доля выпуска инновационной продукции (в%), количество выданных патентов и др. При составлении данной карты по методологии Центра стратегических разработок «Северо-Запад» эти показатели были объединены в блоки: человеческие ресурсы, создание новых знаний, передача и применение знаний, вывод инновационной продукции на рынок. По индексу инновационности регионы Российской Федерации были разделены на шесть условных групп. Группа № 1 («столицы») лидирует по всем показателям. Она концентрирует высококвалифицированные человеческие ресурсы и наиболее успешно реализует рыночный этап инноваций. Группа № 2, которую можно условно назвать «потенциальные инновационные лидеры» или «регионы, готовые к инновациям», в наибольшей степени является ведущей

по рыночной составляющей, отставая по характеристикам человеческого потенциала. Группу № 3 можно охарактеризовать как регионы с нереализованным интеллектуальным потенциалом, группу № 4 — с инновационным потенциалом среднего уровня. В группе № 5 собраны регионы, которые на данный момент не относятся к числу лидеров ни по одному из показателей, а система образования и производственная база не позволяют им переместиться на следующий уровень.

Наконец, в последней группе № 6 оказались регионы-аутсайдеры по всем показателям.

Индекс в большей степени характеризует готовность или способность регионов к инновациям, нежели действительный инновационный процесс. Так, например, Екатеринбург тоже входит в число тех регионов, где неплохая ситуация, но недавно был приведен обзор, где Свердловская область фигурирует в рейтинге 10 лучших регионов: по численности ученых — на четвертом месте, по численности научно-исследовательских учреждений, допустим, на пятом. А по показателям привлечения инвестиций уже десятая позиция. Это является доказательством того, что потенциал может быть высоким, но он не дает должной отдачи либо отсутствуют необходимые условия.

Вопрос (Ю.А. Плакиткин):

В своем докладе Вы показали более подробно известную удручающую динамику в России, удручающее положение дел в экономике в целом и в области инноваций в особенности. Не могли бы Вы хотя бы в двух словах сказать: а в чем дело? Что, климат изменился в России? Люди стали другими? Мировое закулисье? Плохие руководители? Меня в большей степени интересует институциональная часть. Не кроются ли причины в институциональном устройстве России?

Ответ:

Спасибо. Здесь сказывается влияние нескольких факторов. Безусловно, это и условия глобализации, которой рань-

ше не было, страна была закрытая, было проще наладить сотрудничество в рамках Совета экономической взаимопомощи, да и вообще мы были одной шестой частью суши, и психологически это влияло и впечатляло. Во-вторых, имело место совпадение периодов объективного процесса глобализации и развития экономики знаний с серьезной социально-экономической трансформацией. Трудности решения данной проблемы оказались недооцененными даже Германией при воссоединении восточной и западной частей при таком сильном финансовом вливании со стороны старых земель. По истечении 20 лет после объединения Германии политики признают, что они не ожидали, что будет так много проблем и их придется решать. Россия же оказалась в непредсказуемых условиях. И третье — это уровень задействования потенциала масс, потому что сейчас они полностью выключены из этого процесса, а это огромные потери. В этой связи приведу цитату Академика Абалкина, когда он говорит, что, к сожалению, в политических и общественных дискуссиях в научном сообществе и СМИ упор делается на решение текущих вопросов. «Такой подход лишает нас исторической памяти и не позволяет выйти из тех тупиков, в которые заводят многие политические и хозяйственные решения». Социальный капитал — это очень важный элемент, необходимый для успешного перехода, его нельзя насадить сверху, люди должны играть активную, конструктивную роль в трансформации.

Ю.А. Плакиткин:

В своем докладе и труде Вы очень хорошо систематизировали факты, различающие Россию и Китай. Скажите, пожалуйста, а есть ли факторы, которые являются общими для России и Китая и которые могли бы послужить ступенькой или отправной точкой для реализации китайских реформ и для успешного их выполнения в России? Это первый вопрос. Второй вопрос, в свое время был такой интересный фильм —

«Легко ли быть молодым?». Перефразируя это название, где легче быть китайцем — в Китае или в России?

Е.Л. Андреева:

По первому вопросу, по общим для наших стран факторам. В России и Китае государство является высшей общностью. Исторически во главе стояли лидеры — цари, императоры, признанные вожди. Воля государства исполняется многочисленным чиновничеством, объединенным тесными вертикальными и горизонтальными связями и отнюдь не всегда сопровождается закреплением господства закона в жизни общества и государства. Государственная собственность является высшей ее формой. В результате частная собственность не стала значимым элементом в исторической памяти народов, фундаментом их культуры. Человеческая личность формировалась в условиях большей зависимости от власти, а не от собственности. На протяжении веков не собственность служила человеку, а человек служил собственности. Если говорить об идеологической составляющей, то объединяющим является то, что строили мы, и то, что китайцы строят сейчас, но мы от этого отказались, а они на этом настаивают и преданы этому. Что касается сегодняшнего дня, то ответ на этот вопрос есть в книге Степана Степановича по ряду ментальных характеристик. Например, мы имеем очень близкие показатели по терпению. Но если у китайцев это готовность терпеть, но при этом все равно вносить вклад, то у россиянина она заложена на генном уровне согласно пословице «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Об этом же говорит образ, взятый из русских сказок: Иван, всю зиму лежащий на печи. Мы можем сделать многое, но ждем, когда же хлынет через край. Может быть, это определенное накопление сил, и Китай это активно использует, а мы пока находимся где-то в пространстве терпения или, хочется надеяться, накопления.

По второму вопросу. У нас, конечно, несколько отрицательное отношение к этому трудолюбивому народу, который

может обходиться малым и добиваться результата маленькими шажками, который может учиться сутками. Наши студенты так не могут. При этом у китайцев есть свойство найти определенные ходы, компромиссы, если тебя выставили в дверь, попытаться тихонечко пролезть в окно. В типологии культур есть разделение на мужественность и женственность. Китай — пример второго типа культур, у которых есть способность вытерпеть, пойти на компромисс и, таким образом, добиться своего. Наше иногда негативное отношение к такому поведению китайцев объяснимо боязнью своего бездействия. В данном случае не китайцы так активны, а мы так бездейственны. На одном из семинаров приходилось слышать мнением одного китайского профессора, говорившего с улыбкой: «У вас много территории, а у нас много населения». Даже при демографической политике, которая проводится в Китае, при всей поддержке программы «Одна семья — один ребенок» все равно там выше темпы рождаемости, чем у нас. При этом один ребенок идет с преобладанием мужского пола, поскольку рождение сына там, безусловно, более значимое событие. А раз возникает преобладание мужского населения над женским, то представители мужского пола в будущем будут искать себе вторую половину за пределами страны, и при всем нашем негативном отношении вероятны и смешанные браки с российскими представительницами прекрасного пола.

Вопрос (П.А. Федосов):

Спасибо, очень интересный доклад, причем письменный вариант мне особо понравился.

В европейской литературе, в частности в немецкой, очень часто встречается тезис о том, что объединение правящей элиты и масс, кажущаяся внутренняя сплоченность общества в Китае — это иллюзия. И что Китай — это такой паровоз, который стремительно несется к неизбежному обострению внутренних противоречий, которые чреватые серьезными социальными потрясениями. При этом ссылаются как на фактурные

высказывания китайских диссидентов, так и не теорию. Мы все знаем закон опережающего развития потребностей, иерархию Маслоу: после удовлетворения основных материальных потребностей — потребности самоопределения. Это все знают. По теории, эти западные комментаторы должны быть правы. Как Вы прокомментируете такую точку зрения?

Ответ:

Спасибо. Во-первых, мы Китай до конца не знаем. Даже то, что мы знаем, не будет полностью объективным, до конца мы не сможем их полностью узнать и понять. Сами китайцы признаются: мол, вы пытаетесь нас обсуждать в рамках традиционно заданных канонов, хотя, по мнению Хуан Пина, Китай — «это новая, самостоятельная экономическая формация». На определенные пробелы в современной экономической науке, препятствующие объяснению китайского чуда, указывает другой китайский экономист — Линь Ифу. Мы обсуждаем потому, что к 2050 г. прогнозируется выход Китая на первое место по показателю ВВП, поэтому уже невозможно найти того, кто бы не обсуждал завершение продолжительного лидерства США в мировой экономике. С одной стороны, это возможно благодаря очень высокому позиционированию у себя в стране. С другой стороны, нет сомнений, что смена мирополитического устройства невозможна без противоречий и расхождений. Безусловно, они есть везде и всегда, и Китай не является исключением. Важно понимание, что будущее мироустройство маловероятно без пересмотра места Китая в новом миропорядке. Если они будут понимать, во имя чего это, если будут достижимы показатели их лидерства на мировой арене, я считаю, они смогут как-то уладить внутренние противоречия.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Что такое переходная социально-экономическая система? Кто от чего и к чему переходит? Может быть, перехо-

дим к совершенно разным вещам. И второй вопрос: триада «стабильность, развитие, реформа» как формула китайской успешности, как стабильность может быть основанием развития? Почему реформа рассматривается итогом развития, а не ее катализатором?

Ответ:

Я полностью согласна с Вами в том, что теоретические основы проблемы переходных социально-экономических систем требуют особого рассмотрения и уточнения. В нашем случае тема с данным сочетанием слов была задана заранее, и в мои задачи поэтому не входило рассмотрение самой постановки вопроса о целесообразности использования слова «переход». Большое видится на расстоянии, сейчас, по истечении 20 лет, мы имеем возможность увидеть результаты и понять, что не туда шли, не теми способами, не теми путями, но, к сожалению, история не терпит сослагательного наклонения. Конечно же, само развитие предполагает постоянное совершенствование, в какой бы форме оно ни было. И сегодня очевидно, что китайский способ продвижения небольшими шажками и с непрерывными улучшениями оказался лучше. Такое своеобразное национальное доказательство превосходства восточного подхода «кайдзен» — философии непрерывного совершенствования. При этом ориентиром является уровень и качество жизни населения, причем с учетом не только материальной, но и духовной сферы. Переход в России был связан не только с дефицитом, когда надо было за первоочередными продуктами в очереди стоять и т. п., но и с получением доступа к определенной свободе мысли. Я лично, например, смогла оценить такую свободу выбора, когда в 1990-е годы смогла купить книжку Бердяева. Такого доступа не было до осуществления этого перехода. В Китае условия культурной революции были довольно-таки жесткие. Может быть, на этом фоне потребность в свободе, в предпринимательстве тоже была востребована. Этим можно

объяснить их готовность на данном этапе внести некоторые коррективы в проведение политики, хотя и не такие кардинальные, как у нас.

Второй вопрос также представляется интересным для более серьезных теоретических исследований. Конечно же, реформа является катализатором развития, но при наличии необходимых для этого условий. Потому что реформа — это и необходимые для ее проведения инвестиции, а никакие инвесторы не будут вкладывать деньги в нестабильную экономику. Точно так же как иностранные инвесторы не готовы вкладывать деньги в развитие страны, из которой собственный капитал вывозится за ее пределы. В Китае такие привлекательные для инвесторов условия были созданы с самого начала реформ и продолжают создаваться и в настоящее время. Так, создание территориальных «точек роста» в Гонконге и Макао демонстрировало гражданам, что после их присоединения к КНР они окажутся в привычной им рыночной среде, а их деньги будут работать и на их же благо. В России достаточно вспомнить ситуацию дефолта 1998 г., когда в условиях определенного коллапса вообще не была ясна возможность осуществления каких-либо зарубежных контрактов. И это все надолго запечатлелось в памяти. Прошло 20 лет, прежде чем мы имеем хоть какую-то стабильность, по крайней мере выплачивается зарплата, какая, это второй вопрос. Другое дело, что могло бы быть, если бы мы имели эту стабильность раньше, если бы до кризиса начали осуществлять многие из намеченных, но не реализуемых в полной мере проектов, когда имелись гораздо большие финансовые условия и ресурсы.

Вопрос (Л.Н. Тимофеева):

С большим удовольствием прочитала Ваш доклад, большое спасибо. Хотела бы уточнить. Вы пишете, что, когда китайцы объясняют свой успех, они все время подчеркивают, что в его основе лежит учет китайской специфики, особен-

ностей менталитета. Скажите, пожалуйста, а какую российскую или русскую специфику мы не учли в государственном управлении этим социально-экономическим переходом? Второй вопрос: есть ли у нас «точки роста» в связи с нашим государственным управлением этого самого переходного периода? Спасибо.

Ответ:

Первый вопрос — замечательный, ответу на который можно посвятить и отдельный семинар, и отдельные публикации. Если совсем уж исторически подходить, то Россия — это традиционно общинное государство. Если взять тот уклад на Руси, где преобладала сельскохозяйственная община, и исходить из этого, конечно же, это вроде бы не вписывается в условия красивых слов развития экономики знаний. С другой стороны, на генном уровне, может быть, такая потребность у населения все равно осталась. Это пока витает в воздухе, но, очевидно, будет когда-то и реализовано, когда количество перейдет в качество. В подтверждение этого можно привести серию книг Мегре «Анастасия», «Звенящие кедровые России» и др., в которых есть идея родового поместья. Это художественное произведение, но в нем прекрасно описано, что надо дать людям в пользование землю, которая в неограниченном количестве имеется в России, а не продавать ее за большие деньги. Еще Толстой писал в сказке «Зерно размером с яйцо», что раньше такие зерна и рождались, когда землю не продавали. Земля у нас в огромном количестве сегодня заброшена и пустует, что и вызывает у наших соседей нездоровый интерес. Естественно, государство должно создавать инфраструктуру, а дальше народ сможет себя прокормить прекрасными, а не генно-модифицированными продуктами. У Мегре как раз дается модель поселений, со своими школами и так называемой социальной инфраструктурой. И он не одинок. Не так давно ко мне пришел пенсионер лет семидесяти, он уже 30 лет разрабатывает свою концепцию развития,

также предполагающую, что на основе подобных поселений можно улучшить и экологическую ситуацию, и здоровье нации. Я попыталась ему объяснить, что, наверное, еще, к сожалению, не пришло время для таких замечательных идей, тогда он спросил, а чем же мы занимаемся в Центре развития человеческого потенциала? Все же есть люди, судьба страны для которых не является безразличной. Как и во все времена, это отдельные личности, но и личность может определять историю. Это прообраз специфики России, которая пока не задействуется и не учитывается.

Есть ли «точки роста»? Конечно есть, о них тоже сейчас много говорится. К сожалению, это действительно только маленькие точки на большой карте России, и, видимо, им не под силу кардинально поменять ситуацию. Но к «точке роста», которая могла бы не только обеспечить решение проблем занятости и экологии, но и развития собственного самосознания и гордости за широчайшее многообразие, которым наделила нас щедро природа, и богатейшую историю нашей многострадальной, но от этого не менее любимой Родины, я бы отнесла сферу туризма. У нас действительно уникальная страна с неповторимыми местами, такими как Ясная Поляна, Мелихово, Болдино, Семеново, бажовские места на Урале и многое другое, в которых не только побывал далеко не каждый россиянин, но и о которых скромно умалчивают турфирмы. А в одной меня даже спросили: а зачем вы туда хотите поехать? Вместе с тем, наверное, каждому, а некоторым не по разу приходилось бывать в Турции или Египте, где мы вкладываем так востребованные нашей экономикой инвестиции в развитие чужих экономик. А ведь посещение своих родных мест — это и приобщение к своей культуре, традициям, обычаям. Чего стоят только сказы П.П. Бажова, в которых описаны не только существующие в реальности загадочные места, но и мастерские, таланты, которыми издревле земля русская полнится! Я уже не говорю о Дальнем Востоке, где, скорее всего, так и не удастся побывать. А для

жителей Дальнего Востока, в свою очередь, Китай существенно ближе, чем остальная Россия. Туда они могут выехать на выходные, а перелет в Москву для некоторых — нереализуемая мечта. Туризм в нашей стране мог бы быть «точкой роста». Они должны совмещаться с национальной спецификой, с возможностью использования имеющегося потенциала, а не просто относиться к пяти приоритетам, которые заданы правительством. Это явно не одни нанотехнологии, от которых мы пока не видим эффекта, сопоставимого с затратами.

Вопрос (М.В. Вилисов):

Если подняться над Китаем и Россией с их опытом экономических реформ и проанализировать на мировом уровне тот эффект и те процессы, которые происходили за последние 20 лет, когда и Китай, и Россия активно реформировались, в Китае — рост, у нас — падение. Нельзя ли пофантазировать — предположить, что проект китайских реформ является как бы контрпроектом российских реформ. Тот рост, в том числе по экспорту, по промышленному производству и т. п., стал возможным благодаря тому, что у нас было настолько огромное и обвальное падение, в т.ч. разрушение основных фондов, потеря политических и внешнеэкономических позиций и т. д. Можно ли эти процессы так систематизировать?

Ответ:

Да, наверное, не только мы, но и мир в целом поучаствовал в таком успехе Китая. Может, что-то и совпало, может, это такой этап их развития, их звездный час. Однако сюда, безусловно, добавляются и инструменты государственного управления, иначе бы шансы так и могли остаться только шансами. В этой связи хотелось бы призвать тогда хотя бы взаимовыгодно и обоюдно этим пользоваться. Если они воспользовались нашим падением для присутствия на нашем емком рынке (меня всегда поражает, что, относясь к лидерам по экспорту алюминия, мы вынуждены покупать алюми-

вую лестницу китайского производства), тогда, может быть, и нам стоит воспользоваться тем ростом Китая для определения своих позиций на мировом рынке, в частности усилить восприятие будущего образа ШОС — Шанхайской организации сотрудничества. Благодаря совместным с Китаем усилиям наша позиция смогла бы стать более весомой и значимой, нежели мы сегодня имеем в мировом институциональном устройстве.

Вопрос (П.В. Касьянов):

С большим удовольствием и прочел и прослушал Ваш доклад. У меня возникли такие вопросы: Вы подробно рассмотрели факторы внутреннего управления, каковы были отличия за последние 20 лет реформ в Китае и в России? Рассматривали ли Вы также и внешние факторы, которые могли повлиять на тот или иной вариант проведения реформ в Китае и в России? Это один вопрос. Второй вопрос касается национальной идеи. Вы привели здесь национальную идею Китая — возрождение великого Китая или превращение Китая в могучую, процветающую державу. Как Вы думаете, какая могла бы быть сформулирована национальная идея для России? И третий вопрос — помимо различных подходов к проведению реформ, т. е. успешного подхода Китая и полного провала России, назовем вещи своими именами, рассматривались ли Вами вопросы объективной конкурентоспособности России в условиях глобализирующейся экономики по сравнению с китайской? Спасибо.

Ответ:

Начну с третьего вопроса. Существует множество подходов оценки конкурентоспособности страны. В частности, это ее глобальные рейтинги, в которых учитывается и институциональная среда ведения бизнеса. В России, к сожалению, эти рейтинги, в том числе по коррупции, на бизнес, даже на крупный, не работают. Что уж говорить о среднем и малом,

являющимся мотором экономики развитых стран. Иностранные инвесторы, конечно, приходят, т. к. их привлекает наш емкий и ненасыщенный рынок. Но эта привлекательность сполна перекрывается повышенными издержками, которые нигде не учитываются, угрожают ведению бизнеса и снижают привлекательность страны. Т.е. для объективной конкурентоспособности в России условия еще пока не созданы.

По национальной идее, я считаю, будет великолепная возможность выяснить данный вопрос на будущем мероприятии, которое планируется Центром.

Внешние факторы — это емкое понятие. Глобализация, безусловно, учитывалась. Она является важнейшим фактором, который задает фон для всего мира и не только для рассматриваемой сегодня пары стран. Так, например, Германия тоже оказалась в своеобразных тисках, когда, с одной стороны, требование обеспечения социального рыночного хозяйства закладывает в заработную плату высокие отчисления на социальное обеспечение, а с другой стороны — высококачественные и признанные немецкие товары оказываются под давлением более дешевой продукции, существующей на мировом рынке, в первую очередь китайского происхождения. Но в такой ситуации, еще раз, оказались многие страны, а не только Россия. Т.е. глобализация в данном случае — это объективная тенденция развития мировой экономики, в том числе имеющая и определенные выгоды для всех жителей планеты.

Вопрос (А.И. Соловьев):

У меня два коротеньких вопроса. Я смотрю на формулировку Вашего доклада — сравнительный анализ госуправления. По сути, Вы дали в докладе итоги суммарного управления за последние 20 с небольшим лет. Я могу ведь и так вопрос поставить: нынешняя система государственного управления, может быть, она спасла Россию от еще более худших резуль-

татов? Нельзя как-то выделить специфику, что на эту ситуацию конечную повлияло — культурная традиция, система госуправления, волевые какие-то факторы? Это надо, чтобы понять основания, для того чтобы специфицировать именно роль структур госуправления, чтобы тогда уже было понятно, что там нужно. Это первый вопрос. Второй вопрос — в начале доклада Вы говорили о содержании национальной идеи в Китае. Я там особой этнонациональной специфики не увидел. Нельзя ли нам эти идеи стабильности, развития применить у нас? Т.е. транслировать их у нас. Китайцы и русские будут придерживаться одной национальной идее, глядишь, и результаты у нас будут такими же.

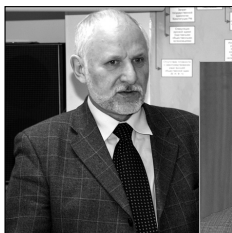
Ответ:

Спасибо. Раньше говорили, что наша беда — это запасы нефти. Не было бы нефти — пришлось бы искать какие-то другие способы зарабатывания и существования. Сейчас те деньги, которые распределяются по бюджетным программам, имеют очень низкую социально-экономическую результативность. Если есть доступ к бюджетным деньгам, которые можно просто распределить, то надо четко отслеживать их результативность. А на сегодня мы имеем очень печальные результаты.

Наверное, для жителей любой страны естественным является желание, чтобы их страна была лучшей, чтобы им была свойственна гордость именно за свою страну, за причастность к ней. Китайцы могли себе это позволить, когда были победы на Олимпиаде. У нас это тоже ощущается во время, к примеру, футбольных матчей, когда люди болеют, с флагами ездят по улицам. Люди нуждаются в осознании чего-то большого: как говорится, одно дело — доски таскать, другое дело — храм строить. Это понимание во имя высокой идеи. У нас опыт такой существует. Благодаря ему нам удалось достичь таких результатов, которыми мы до сих пор пользуемся. Многое из нашего окружения было произведе-

но еще в период социализма: так, например, я поселилась сейчас в гостинице, построенной еще в те времена, и очень качественно построенной. Безусловно, как гласит поговорка, «Другие времена — другие нравы». Еще раз остановлюсь на примере немцев, которые тоже задумались об изменении имиджа своей страны, оказавшись в уже описанных мною условиях. На их рекламных плакатах красуются герои футбола, потому что это касается многих жителей, являющихся болельщиками, и даже К. Шифер, завернутая в немецкий флаг, как это ни кощунственно звучит (смотрится намного лучше). Они вынуждены приспособливаться к изменяющимся условиям. Над этим необходимо задуматься и России, стране, которая заслуживает, безусловно, большего, чем сегодня имеет. Не спору, что это задача не из простых. Может быть, стоит больше привлечь общественность, в том числе и научную, чем успешно занимается и ваш Центр.

В дискуссии выступили:

Сулакшин С.С.

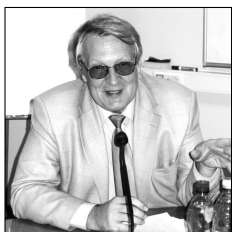
Нигматулин Р.И.

Багдасарян В.Э.

Соловьев А.И.

Андреев А.Л.

Воронин Г.П.

Лексин В.Н.

Касьянов П.В.

Вилисов М.В.

Плаkitкин Ю.А.

Тимофеева Л.Н.

Наша страна десятилетиями помогала Китаю

Г.П. Воронин, доктор экономических наук, профессор

Очень хорошие исследования сделал наш коллега. В течение 30 лет я слежу за процессом превращения Китая в могучее государство. В 1970-е годы, бывая в деловых командировках по вопросам судостроения, я встречался с крупными специалистами, которые оканчивали наши университеты и институты. Удивительно, что они на своем рабочем месте хранили русские лекции и использовали их долгие годы в своей работе.

Что касается судостроения, то я был шокирован. Если от нашего судостроения 1980-х годов осталось 15%, то наши соседи увеличили его в разы. Особенно поражают в Китае верфи, автоматизация, культура производства. Китайские судостроители стали догонять американцев в гражданском судостроении. Для американцев это стало стимулом для наращивания своих мощностей. В результате чего государство предоставило их судостроительной отрасли кредит на 18 лет под 3%. Представить же, что наши получили такой кредит, невозможно!

Если сравнивать экономические показатели за последние 20 лет, то они не в нашу пользу, как бы мы ни рассуждали об особенностях китайского менталитета.

Вот структура китайского экспорта в Россию: 29% — машины и оборудование; 21% — одежда и текстиль; 8,6% — обувь; 5% — готовые изделия из кожи. В принципе, 2/3 — это товары высокой переработки.

Безусловно, возникает вопрос о структуре нашего экспорта в Китай. Вот он: 54% — это нефть и нефтепродукты; 12% — древесина и изделия из нее; 1,2% — машиностроительная продукция. Как видите, наш экспорт колониальный.

Наша страна десятилетиями помогала Китаю в строительстве заводов, научно-исследовательских институтов, передавала новейшие технологии, продавала современное оружие и лицензии на его производство.

Китайцы обучались и обучаются в лучших университетах мира. Сегодня только 40 тыс. китайцев изучают русский язык, а 350 млн — английский.

Китайские руководители говорят: «Не мешайте нам. Нам никто не нужен. Никого мы завоевывать не хотим». На первый взгляд, мудрая политика. Но пройдет 10–15 лет... Китай разовьет промышленные мощности, науку, военный потенциал. Что он заявит миру тогда? Не знаю. Но наша страна должна делать выводы сейчас.

Я как-то спросил у китайцев, которые учились у нас в России, как удастся им в мировой кризисной ситуации сохранить такие темпы. Они ответили просто: «Нам партия ставит такие задачи». Тогда я подумал: а какие задачи перед нами ставит государство? Сравниться Португалией?

Совсем недавно я проводил круглый стол с машиностроителями на V Национальном конгрессе. Там с болью в сердце говорили, что машиностроение по сравнению с прошлым годом (2009) опять упало, т. е. оно просто развалено. Я попросил участников стола назвать хотя бы одну конкурентоспособную машиностроительную продукцию. В зале стояла тишина.

Конечно, в Китае много недостатков. С недостатками они сами разберутся, но вот их победы меня интересуют. Не хочется проигрывать. Ведь мы самая богатая страна.

И последнее. Здесь на семинаре говорили о национальной идее. Вы знаете, что я — противник национальных идей. Лучше иметь осуществимые национальные программы, чем идеи. Но если вы хотите услышать от меня хотя бы одну идею, то, пожалуйста: не врать и не воровать. Это я говорил и раньше.

Так хочется, чтобы каждый день становился лучше.

Как говорят: две большие разницы

*С.С. Сулакишин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

Доклад очень интересен, он дает сравнительную картину результатов государственного управления в двух странах. Но очень важно было бы реконструировать причины такого различающегося итога в содержании парадигмы управления, в механизмах управления, в принципиальных выборах макроэкономических и макросоциально управляющих параметров. Они вполне формализуемы, они подлежат выбору как количественная мера в настраиваемых механизмах. Я попробую сделать сопоставление методов и парадигмы государственного управления двух стран. Начну с политического уровня. Разумеется, времени не очень много, но эта сопоставительная оценка вытекает из достаточно глубокого анализа. Тип государственного управления в Китае — национально ориентированный, активный, планирующий, проектирующий развитие, ориентированный на национальные интересы, национальную безопасность и самое главное — *суверенный*, т. е. не зависящий или слабо зависящий от внешних средовых условий.

На этом политологическом языке тип государственного управления в России — колониальный, отчасти оккупационный, и это не художественная, не вкусовая характеристика, а совершенно системная, организационная, правовая характеристика (я разверну некоторые тезисы) — не суверенный, не планирующий, не устанавливающий целей, не проектирующий развитие. Уже из этого сопоставления понятно, что результаты в Китае и результаты в России, блестяще охарактеризованные в докладе, являются системными, совершенно запрограммированными, и иными они быть не могут.

Теперь более детальное сопоставление. Что значит, суверенное государственное управление или несуверенное?

Возьмем важнейший контур экономического развития — кредитный. В Китае появился новоизобретенный экономикополитологический термин — политическое кредитование. Кредитование может быть коммерческим, когда финансовые ресурсы размещаются с целью заработать за счет маржи, процента, ренты, — это такое ростовщический механизм. Он имеет место, он в определенных пределах правомочен. Но есть кредитование, которое не ставит целью коммерческое приращение денежной массы, а ставит целью пропорции развития в управляемой системе. Этот тип кредитования характерен для государственного, а не коммерческого банка. Государственный банк является эмитентом обращаемого, суверенного, финансового ресурса в стране. И в Китае, и в России Центральный, т. е. государственный, банк есть. Но российский государственный банк превращен в коммерческий. Потому что, к примеру, премьер-министр в отчете по антикризисной программе действий российского правительства сделал совершенно ясное заявление. В кризисе государственный финансовый ресурс, размещенный в виде займов из бюджетных средств, в том числе из средств, которые эмитируются ЦБ, возвращен, и возвращен с доходом. Премьер сказал, что «мы заработали на кризисе», размещая государственный финансовый актив в антикризисных мероприятиях. Но! Сократились инвестиционные вложения, ВВП упал почти на 8%, возросла безработица, упали демографические показатели, увеличились разрывы территориальной развитости, ухудшилась структура экспорта и импорта и т. д. Но премьер говорит, что «мы на кризисе заработали». Ростовщическая, коммерческая финансовая модальность Государственного банка России налицо. В Законе о ЦБ задачи развития, даже задачи обеспечения ликвидности системы коммерческих банков в стране нет! Специально придуман закон, специально придумана функция для ЦБ, коммерциализирующего свою деятельность и уводящего, дистанцирующего ее от задач развития страны.

Второй элемент несuverенности в деятельности ЦБ — это объем эмитируемой денежной массы. В Китае этот объем относительно ВВП больше 200% по агрегату M2, в России меньше 30% по этому же агрегату! Разница в 7 раз. Это не вкусовая разница, не процентная разница, это принципиальная разница. Почему таков объем? Да потому, что он вполне достаточен для обслуживания — есть такой термин в режиме currency board — экспортно-сырьевых поставок из России в основном на Запад. Потому что эмитируется рублевая масса только в объеме валютной выручки, поступающей в страну. Она зеленого цвета, по понятным причинам и по структуре золотовалютных резервов страны, и она же управляется извне, потому что оттуда идет заказ на поставки сырья и там же формируется мировая цена. Которая то 150 долл. за баррель, то 30. Это и есть несuverенный фактор. Коль скоро страна потеряла свой политический суверенитет, и это системно отражено в макроэкономическом управлении, то каков может быть результат? Результат для страны, которая до сих пор является военным и геополитическим противником для тех, кто реально управляет развитием России. Идем дальше. Коэффициент валовых накоплений в Китае — 43% относительно ВВП, в России — меньше 20%, а это объем инвестиций. Причем поразительная вещь, но даже в экономической риторике в стране делаются утверждения, я цитирую помощника Президента по экономике, который много лет вещал, продолжает сейчас вещать, правда, с американского континента, Андрея Илларионова: «Это миф, что приращение ВВП и выпуска связано с инвестированием». Он говорит: «Вот посмотрите, инвесторы в России увеличили объем инвестирования, а ВВП падает». Но при этом молодой человек не объясняет, что под инвесторами в российском словаре и в реалиях он имеет в виду спекулянтов на финансовых рынках, а не инвесторов, которые капитализируют основные фонды. Мало того что те же упомянутые эмитируемые средства в России в 7 раз меньше, чем в Китае, так плюс они еще и уxo-

дят на спекулятивный, ростовщический финансовый рынок. Вместо капитализации для развития.

И последняя очень важная вещь. Вот пакет антикризисных мер. Прошел такой блестящий мировой эксперимент. Стартовали все в равных условиях мирового кризиса, а вот финишировали все по-разному, все показали разную «спортивную» технику. Российская спортивная техника была отчетлива, в докладе это прозвучало. Банки, причем приближенные к кабинету, практически не дошедшие инвестиции до реального сектора и сокращение национального объема инвестирования в реальном секторе. Это в России. И плюс, это то, о чем я говорил, «заработали» на этих мерах. В инфраструктуру практически ничего не вложено, результат — 8% спада ВВП. Китайская спортивная техника — рост на 30% инвестиций за счет эмиссионной функции того самого политического кредитования. Компенсация спада внешнего экспортного спроса внутренним спросом. Соответственно, направление инвестиций в инфраструктуру и дорожные показатели, что нам докладчик показал очень хорошо. Результат — плюс 8% ВВП. Вот так. Россия — минус 8% ВВП. Китай — плюс 8% ВВП.

И последнее. Китай — очень большая страна, с очень большим ресурсом, с еще не накопленными диспропорциями, характерными для развитого индустриального и квазипостиндустриального общества, он еще с этим столкнется. Но смотрим на маленькую Белоруссию. Я вообще резервирую на какой-то из будущих семинаров эту тему. В ней тоже наблюдается рост ВВП, а те самые спортивные техники государственного управления практически совпадают в системном отношении с тем, что применяются в Китае.

Вывод: результаты в России и Китае неслучайны. Категорически противоположны парадигмы государственного управления — в России торжествует либерализм, навязанный в режиме специфичного полуколониального, полуокупационного проекта. Будущего у России с такой моделью разви-

тия нет никакого, кроме того, которое ожидает колонию или распадающееся, несостоявшееся государство. Спасибо.

Цивилизационные экспансии и испытание новыми ценностями

В.Н. Лексин, доктор экономических наук

Во второй половине XX и в начале XXI века самые большие изменения в политической, экономической и социальной жизни планеты были результатом не крупномасштабных войн, а цивилизационных экспансий. Обратив в свою веру правителей, правительства, крупный бизнес и население самых различных государств, внушить представления о привлекательности и возможности обретения новых ценностей (тем более что последние имеют свойство материализоваться во вполне ощутимые блага) оказывается более выгодным и внешне гуманным, чем ведение боевых действий или банальный захват территорий с соответствующими ресурсами. Такого рода экспансии оказываются особенно успешными, если общество и его цивилизационная среда уже подготовлены к этому недовольством происходящим и поэтому обуреваемы жадной перемен.

И в России, и в Китае цивилизационные экспансии в новейшей истории обеих стран вносили перемены прежде всего в мировоззрение и в мировосприятие людей, и этот процесс обычно проходил в форме обретения «свободы» и пресловутого «раскрепощения сознания». Китайская «культурная революция» была попыткой насильственно, жестко и грубо остановить влияние Запада даже в тех его проявлениях, которые китайские власти того времени усматривали в советском культурно-идеологическом влиянии.

Об этом периоде в жизни Китая написано немало серьезных исследований, но я хотел бы обратить внимание на

более популярное (по-моему, трижды издававшееся), бесхитрое, но поразительно глубокое повествование Дэ Сижи о том, как двое китайских «детей Арбата», направленных на «трудовое перевоспитание» в горную деревушку, чудом привезли с собой запрещенного (!) Бальзака и как это переменяло судьбу их самих и простой крестьянской девушки¹. Эта небольшая книга — о страхе и любви, но не в последнюю очередь — о том, что такое иные цивилизационные ценности и в чем их сила.

В России переход к ныне существующей структуре общественных отношений тоже произошел в значительной степени под воздействием экспансии западной системы ценностей, энергично вытеснившей многие базовые ценности советской цивилизации². Этот процесс применительно к российской действительности 1990–2010 гг. неплохо изучен, и я постараюсь кратко охарактеризовать его на примерах сопоставления с нашим великим соседом Китаем, где так же, как и в России, исходным основанием перемен было и остается социалистическое наследие, где осуществляется перевод экономики на рыночные начала и где реформы были инициированы и проводятся исключительно «сверху».

Сравнительный анализ политических и экономических различий в целях, средствах и технологии проведения российских и китайских реформ, равно как и сравнение их (пока еще неокончательных) результатов, стал предметом многих

¹ Дэ Сижи. Бальзак и портниха китаяночка. СПб, 2001. Автор (его имя дано во французском правописании) сам прошел юношеское трудовое «перевоспитание», после возвращения в Пекин и обучения в университете уехал продолжать образование в Париж, через десять лет после этого получил премию в Каннах за фильм «Китай, боль моя», а в 2000 г. его первый роман, о котором идет речь, стал во Франции «книгой года».

² Утверждение о правомерности отождествления советской действительности с особым типом цивилизации дискуссионно, но я считаю, что для такого отождествления есть все основания. См. Лексин В.Н. Цивилизационный кризис: мир и Россия // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009, № 6, с. 31.

исследований и публикаций. Особенно продуктивными представляются работы сотрудников Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН и Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. Приведу пример такого анализа, характеризующий различия в построении так называемой экономики знаний, считающейся неперенным атрибутом пореформенной экономики и в России, и в Китае³. Используя методику измерений, предложенную Всемирным банком⁴, автор показывает, что пока еще Россия по уровню индекса экономики знаний находится немного впереди Китая, но это происходит «главным образом за счет накопленного научного потенциала», причем наша страна за 1995–2008 гг. опустилась в рейтинге этого индекса на 5 позиций, а Китай — поднялся на 20.

То же относится и к индексу развития человеческого потенциала. Отмечается, в частности, что Россия крайне медленно осваивает «мировой запас знаний» и что в Китае объем этого освоения в 70 раз больше, чем у нас, что в Китае происходит «целенаправленное и сформированное наращивание своей научной элиты», что в тридцати городах реально функционирует сеть технопарков, где размещено около 50 тыс. предприятий и занято 6,5 млн человек.

Интересны результаты предельно конкретизированного анализа реформационной ситуации, проведенного нашими коллегами из Института социологии РАН⁵, которые решили выяснить, «насколько экономические реформы и институ-

³ Унтура Г.А. Экономика знаний в Китае и России: проблемы и перспективы // *Пространственная экономика*, 2009, № 4. С. 88–105.

⁴ Основные положения этой методики изложены в ряде отечественных публикаций, в том числе Гапоненко А. *Контуры наукоемкой экономики* // *Экономист*, 2005, № 10; Янсен Ф. *Экономика инноваций*. М., 2002, и др.

⁵ Данилова Е.Н., Черныш М.Ф. Опыт российских и китайских реформ: результаты сравнительного исследования в Санкт-Петербурге и Шанхае. «Мир России», 2010, № 4. С. 25–52. Исследование проводилось совместно российскими и китайскими социологами.

циональные изменения (в Китае. — В.Л.) соотносятся с культурной средой и реальными практиками, насколько проводимые преобразования культурно легитимны, насколько справедливыми видятся гражданам страны механизмы распределения и нормы, сформированные изменениями общественного устройства». Авторы вводят понятие «культурной легитимности реформ, когда проводимые меры воспринимаются населением как справедливые в долгосрочной перспективе, т. е. ведутся в согласии с базисными культурными ценностями и осуществляются в интересах большинства граждан и демократического развития».

Е.Н. Данилова и М.Ф. Черныш приводят известное высказывание Е.Т. Гайдара о том, что люди, как правило, не склонны благодарить правительства за улучшения, но убеждены в их ответственности за потери» и считают, что это действительно так, однако важна и вышеуказанная культурная легитимность изменений. «Ведь теоретически чем ниже уровень легитимности, тем сильнее принуждение. Многие теоретики подчеркивали необходимость обоснования легитимности реформ или изменений, проводимых правящим классом. Еще Вебер, элитисты (в их числе — Г. Моска) предполагали, что элиты могут осуществлять преобразования, не просто обладая властью *de facto*, но при условии стремления найти для этого моральные и законные оправдания и умелого применения «политической формулы», которая соответствует ожиданиям, вырастающим в массах».

Сравнение вестернизации России и Китая на примере ситуации в двух крупнейших городах этих стран основано на большом массиве информации, которую я опускаю и процитирую лишь некоторые выводы.

«С точки зрения структурно-функциональной модели, — пишут Е.Н. Данилова и М.Ф. Черныш, — культурная легитимность преобразований вытекает из консенсуса по поводу общих ценностей, в частности справедливости распределительных и иных механизмов, норм, принятых в обществе, и

устанавливаемых правил... По многим пунктам представления россиян и китайцев о том обществе, в котором они живут, схожи.

Анализ показывает, что российские представления о должном и сущем поляризованы в гораздо большей степени, чем китайские. Представления китайцев менее жесткие, однозначные, а в структуре факторов, определяющих доход, больше меритократических критериев: образование и вклад в работу коллектива. В этой ситуации логично предположить, что уровень расхождения двух нормативных планов — идеального и существующего — в Санкт-Петербурге больше, чем в Шанхае... В Санкт-Петербурге, по мнению горожан, плодами перехода к рынку пользуется прежде всего высший слой общества — привилегированные управленцы и предприниматели. В Шанхае плоды реформирования распределяются более широко. От реформ выигрывают не только те, кто занимает ведущие позиции в государственном управлении или бизнесе, но и те, кто обладает квалификационным, культурным капиталами... В Санкт-Петербурге в большей степени, чем в Шанхае реформы воспринимаются как игра с нулевой суммой, в которой привилегированные группы присваивают себе львиную долю продукта, производимого экономикой. В целом результаты исследования дают основания считать, что культурная легитимность реформ в Шанхае выше, чем в Санкт-Петербурге».

Успехи Китая в продвижении по избранному реформационному пути, ведущему к лидерским позициям в глобальном мире, бесспорны так же, как несомненно и наличие множества острейших проблем быстрого наложения изменений во всех сферах жизни на ее сформированное в течение тысячелетий цивилизационное основание, лишь ненадолго скорректированное политикой позднего маоизма. Это и новые проблемы территориальной неравномерности развития страны, и растущее социальное расслоение общества, и вестернизация образа жизни городской молодежи, и многие

другие. Думаю, что будущее Китая и сопредельных с ним стран (в первую очередь России) будет во многом зависеть от того, как удастся ввести западные ценности в культуру и быт полутора миллиардного народа, как удастся сохранить целостность страны и социальный мир в условиях связанного с этим неравенства.

Чжунго — Срединная (точнее — Центральная) страна — постепенно и пока еще неуклонно перемещается в центр политического, экономического и культурно-исторического мира, но и весь этот мир не менее последовательно перемещается на территорию Срединной. И в то время как Китай завоевывает западный мир своими товарами, сам Китай завоевывается ценностями западного мира, а точнее — ценностями, воплощенными в образе жизни современного западного человека со всеми потребительскими атрибутами этой жизни. Думаю, что самое серьезное испытание, через которое предстоит пройти реформирующемуся Китаю, — испытание западными ценностями бытового благополучия. Не забудем, что подавляющая часть населения Китая до сих пор живет, по евро-американским представлениям, за чертой бедности. Не забудем, что ныне на душу населения в Китае приходится менее 40% пахотных площадей, 15% — леса и 60% — минеральных ресурсов от среднемирового уровня. Не забудем, что уже сейчас, производя около 4% мирового ВВП, Китай потребляет 7,5% мирового производства нефти (второе место в мире), почти четверть мирового производства алюминиевого проката, более 30% — угля и железной руды, около 40% — стального проката и цемента. Да, эти ресурсы во многом идут в экспортно-переработанном виде на мировые рынки, но ведь не менее половины их объема остается на территории Китая и воплощается в его предприятия и объекты инфраструктуры, в его собственную энергетику и транспорт, в индивидуальное потребление его граждан.

Китай, как никакая другая страна, способен показать, что современное общество перепотребления и переприсво-

ения — тупик существования человечества. Все знают (но редко говорят) о том, что если Китай поставит задачу достижения среднеевропейских стандартов потребления, образа и уровня жизни для всего своего населения, то для решения этой задачи потребуются ресурсы всей планеты.

Каким бы низким ни казался западным наблюдателям уровень жизни подавляющей части населения Китая, эта страна уже начинает проходить испытание благополучием. Незаметно появилось второе поколение китайцев, пришедших из деревень в центры экономического развития. Около тридцати лет назад родители этих китайцев практически за плоску риса начинали строить новые заводы, автострады и небоскребы и со временем, получая 30–40 долл. в месяц, чувствовали себя вполне благополучными. Но у них родились и выросли дети (более 100 млн человек). Прекрасное образование и информационная открытость нового Китая вкупе с небедным (по китайским меркам) существованием изменили их взгляды на жизнь, и молодые горожане захотели зарабатывать не меньше, чем их западные сверстники, иметь «социальный пакет», располагать таким же жильем и т. п.

Это новое массовое мироощущение, переходящее в новые для Китая действия. В провинции Гуандун прошли забастовки на предприятии Honda, то же повторилось на заводе, где собираются компьютеры и другая продукция Apple, уже был случай массового самоубийства на предприятии с мировым брендом и т. д. — и везде поводом было одно и то же: несоответствие оплаты труда представлениям о его должном (по западным или японским стандартам) уровне.

Осознает ли руководство Китая грядущие опасности? Да, осознает, так же как и то, что успехи Китая в мировой экономике до сих пор были во многом связаны и с более низкой по сравнению со странами — импортерами китайской продукции заработной платой, меньшими социальными расходами предприятий и государства. И неслучайно, что на прошедшем осенью 2010 года Пятом пленуме ЦК КПК, где

принимались планы на 12-ю (2011–2015 гг.) пятилетку, был декларирован переход к «обществу умеренного благосостояния» как своеобразной альтернативы западного общества агрессивного потребления.

Сможет ли Россия извлечь уроки из «китайского чуда» для создания собственного?

М.В. Вилисов, кандидат политических наук

Я тоже хотел бы поблагодарить докладчика и Центр за постановку этой темы. Сама постановка настолько проблематична, что заставляет задуматься: сравнительный анализ чего с чем — государственного управления, реформ, перехода от чего к чему? На мой взгляд, только хронологически совпали эти реформы в России, на территории Советского Союза и в Китае. Во всем остальном между ними больше различий и даже противоречий.

Позволю себе такую аналогию. То, что делает Китай сейчас, — это, вполне возможно, хоть я и не очень большой специалист, то же самое, что советское правительство пыталось сделать во времена НЭПа. Но у него на это не было времени. И было политическое окружение, совершенно не похожее на то, какое сейчас у Китая. Другое время было у Советского Союза. Конечно, мы решали другие задачи и просто в несопоставимо более сложных внешних условиях. И мы эти задачи решили, а потом оказались в роли пенсионеров, которым нечего делать, и они перестали думать о том, как жить дальше. Так я могу интерпретировать то отсутствие цели и каких-то реальных долгосрочных задач, которое сопутствовало нашим реформам в период их начала и дальнейшей реализации.

Китаю в этом плане проще, потому что он является органической частью того же западного мира. Не было бы этого

мира — не было бы китайского успеха. Во-первых, потому что это рынок сбыта, во-вторых, потому что это достаточно свободный доступ к технологиям. Америка потребляет в основном только китайскую продукцию. Да и не только Америка. Технологии переносятся туда. Весь мир переносит в Китай свои производственные площадки, не только грязные, но уже и высокотехнологичные. И что интересно, наиболее интенсивный период экономического чуда в Китае наблюдается как раз тогда, когда Россия в экономическом плане медленно, но верно угасает, освобождая пространство новому игроку. Рискну предположить, что если бы не было *такого* краха СССР, то и не было бы *такого* китайского чуда.

Безусловно, все наши нынешние проблемы Китай, так или иначе, посетят, потому что Западу нужны дешевые товары, чтобы поддерживать высокий уровень жизни, а Китаю для развития нужно что-то делать со своим уровнем жизни, с ресурсной обеспеченностью и с перспективами развития. На мой взгляд, конфликт, сначала экономический, потом и политический, вполне возможно и военный, так или иначе будет назревать. Люди, мыслящие десятилетиями и столетиями, не могут не понимать, что их визави, их экономический партнер находится в опасной фазе собственного угасания. И он будет пытаться всеми силами и средствами сохранить собственное благополучие. В том числе и путем других геополитических субъектов.

Россия опять сталкивается с задачей, которую ни одна страна в мире не решала, как и все другие задачи, которые у нас были. Нам нужно не копировать чужой успех, потому что это будет попыткой войти дважды в одну и ту же реку. Нам нужно попытаться, пользуясь аналогией с китайскими соседями, заглянуть на 110 или, может быть, на 220 лет вперед и понять, где при этой расстановке сил мы можем оказаться с учетом реальной оценки нашего нынешнего потенциала, который по разным параметрам оценивается неадекватно ни

экономической и политической элитой, ни нашим населением, к сожалению.

Прежде чем сформулировать собственный проект, нам нужно понять в этой раскладке мировых сил, как же позиционировать свою страну. Понятно, что сейчас мы сами находимся в экономической зависимости, мы также имеем целый комплекс социально-экономических проблем. Но нужно видеть и то, что мир в целом находится на пороге больших перемен. Участниками этих крупных событий будут США, страны западного мира и Китай. Нужно сделать так, чтобы Россия в этих столкновениях нащупала и реализовала собственные интересы, а не стала опять игрушкой в чьих-то руках. Спасибо.

Иллюзии исторической переходности

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Вызывает большие сомнения сам концепт переходности. Он предполагает наличие двух моделей. Одна — устаревшая или аномальная — неправильная, вторая — современная или стандартная. Переходная система соотносится по этой логике с переходом от первой модели ко второй. Устанавливается некий универсалистский фарватер развития. Для него существует только один вектор перемен.

Концепт переходности неслучайно получил у нас самое широкое распространение. Посредством него затемняется сама проблема стратегического целеполагания. Вместо выбора стратегий и смыслов дискурс переносится к вопросу о технологиях. Неслучайно понятие переходного периода было вынесено в название гайдаровского института — одного из главных центров российского неолиберализма.

Китай, согласно концепту переходности, развивался более эволюционно, чем постсоветская Россия, без шоковой те-

рапии, сохраняя политическую и социальную стабильность. Различие вроде бы в этом — в методах и темпах.

Между тем была порочна и утопична сама цель российских преобразований. А цель состояла, называя вещи своими именами, в том, чтобы построить в России Америку.

Насколько применимо к современному Китаю понятие модели переходного типа? У меня достаточно большие сомнения в тезисе о переходности КНР. Никуда современный Китай не переходит, если не считать декларированного и сохранившегося в китайской Конституции постулата о верности идеалам строительства коммунизма. Коммунистическая доктрина по-прежнему сохраняет в КНР статус государственной идеологии. Конечно, происходят определенные изменения, осуществляются реформы. Но где их нет? Реформы осуществляются сегодня фактически во всех странах. В Китае они принципиально не изменяют прежнего существующего фундамента, не носят парадигмального характера.

Достижения Китая как раз и определяются тем, что он не изменил своей сущности. Он остался верен своей исторической парадигме. Для Китая принципиально важна преемственность, национальная традиция. По сей день народ и руководство Китая апеллируют к наследию Мао. Памятники, портреты, изречения «великого кормчего» и сегодня определяют политическую символику КНР. Фигура Мао упоминается и в существующей версии китайской Конституции.

Прежде по тем же соображениям верности традиции китайцы не принимали десталинизацию. Достаточно сказать об оценке Мао разоблачения культа личности в СССР: «Сталина можно и нужно было критиковать, нельзя было его убивать». Характерно объяснение, данное китайцами о причинах неприятия советских ревизий. Нельзя ни в коем случае потерять свое лицо. Если потеряешь свое лицо, то можно потерять все. У современной России нет понятия «националь-

ного лица». Оплевывание прошлого само превратилось у нас в национальную традицию.

Так что же представляет собой модель Китая? Глубинная ретроспективная проекция опровергает тезис о современной китайской переходности. Китай, с определенной модификацией, — это по-прежнему конфуцианская система. Он остается прежней исторически идентичной цивилизацией.

Если мы посмотрим и на других геополитически значимых субъектов современного мира, то увидим, что все они остаются верны своей исторической парадигме. Современные страны мусульманского Востока соответствуют исламской модели государственности, Япония — синтоистской, Индия — индуистской. Соответствующая преемственность обнаруживается и применительно к Западу. Европейская социал-демократия не будет понята без анализа лютеранской традиции. Америку не понять без традиции кальвинизма. Только одна Россия, единственная из значимых геополитических субъектов, декларирует и реализует идеологию переходности. Поэтому нужно говорить не о различиях моделей перехода, а о том, что цели осуществляемых трансформаций в РФ и КНР были принципиально различными.

В действительности и в России тоже никакого перехода не произошло. Он был декларирован, однако реализоваться не мог. Под вывеской переходности осуществлялось не более чем тотальное разрушение прежней государственности. И по сути дела, сейчас государство функционирует исключительно на оставшихся с советского времени инфраструктурах прежней системы.

Таким образом, различие Китая и современной России — это прежде всего различие целеполагания. Россия сегодня строит Америку, что само по себе утопично и не может иметь успеха. Китай как строил, так и продолжает строить цивилизационно идентичную китайскую модель.

Краткие комментарии по теме сравнения государственного управления социально- экономическими системами России и Китая

П.В. Касьянов, доктор экономических наук

Я хотел бы остановиться на четырех вопросах.

Первый — я хотел бы поддержать тезис Степана Степановича об оккупационном режиме. Если национально ориентированное правительство совершает ошибочный шаг, ну, скажем, пять лет оно смотрит, что происходит, и понимает, что это ошибка, ну семь, ну десять, если очень тупое. Пятнадцать-двадцать лет — это если не оккупационный режим, то уже кретинизм. Но второй вариант... маловероятен. К тому же если в течение около десяти лет наблюдалась, так сказать, «мирная передышка» (когда дрейф в ошибочном направлении продолжался, но темпы деградации несколько замедлились), то сейчас мы видим все признаки возрождения «ельцинизма-чубайсизма», т. е. усиления позиций глобальной олигархии.

Второй вопрос связан с конкурентоспособностью России, которая в решающей степени определяется рентными факторами. С одной стороны, **положительными** — нефтегазовыми, минеральными, лесными, рыбными и другими ресурсами. С другой стороны, **отрицательными** — климатическими, земельными и транспортно-дистанционными. Когда промышленность была в Европе и Америке, мы еще могли теоретически быть конкурентоспособными на мировых рынках промышленной продукции. Сейчас, когда промышленность и производящая экономика сдвигается в Китай и Юго-Восточную Азию, в России объективно вообще нет такой географической зоны, которая могла быть конкурентоспособной по сравнению с Юго-Восточной Азией. Только сельское хозяйство в Краснодарском и Ставрополь-

ском краях и в черноземной зоне. Единственный выход — это производить уникальный товар, продукт мысли, науки, новые идеи, технологии, инновации, в том числе в области социально-экономического и цивилизационного развития. Другого выхода у нас нет. Отечественные производственные мощности, старые или новые, производящие станки, трактора и автомобили, продукцию легкой промышленности, электронику, **глобализирующейся экономике** решительно не нужны. Юго-Восточная Азия каждый год дает прирост 20 млн человек. Это потенциальный трудовой ресурс. На этом глобальном фоне наш трудовой ресурс вообще незаметен. Глобальной экономике все равно, кто (предприятие «А» или «Б», страна «Р» или «К») будет производить товар, а кто останется безработным, невостребованным ею, — решение принимается только на основе критерия эффективности. Поэтому для поддержания производства в России необходим разумный протекционизм в традиционных отраслях (в основном для потребления на внутреннем рынке), а для международного обмена необходимо развивать «фабрики мысли», производство уникального продукта, информационного по сути. Это как и в сельском хозяйстве: отдача с одного гектара неизмеримо выше у производителя высокоценных, дорогих сортовых семян, семян новых сортов (тоже в основном информационного продукта) — по сравнению с производителем пищевого продукта.

Третий вопрос — собственно о Китае. Я нарисую «луковицу» распределения доходов в современном обществе. По вертикали — годовые доходы в тысячах долларов в год, а в горизонтальной плоскости — количество людей с определенным уровнем дохода. Как только Китай, сохраняя идеологию коммунизма или социализма, тем не менее перешел к такому распределению, эта луковица стала стремиться к бесконечности, появились миллиардеры. Я вижу основную проблему даже не в расслоении общества по уровню доходов, а в том, что рано или поздно олигархи, которые будут иметь десят-

ки или сотни миллиардов дохода, захотят иметь ту власть, которая им более нравится, и это будет означать переход к финансовократии. Неограниченный рост доходов ни к чему другому, кроме как финансо — и паразитократии, привести не может.

И четвертый вопрос — кратко о национальной идее для России. Дело в том, что такая луковицеобразная модель стремится к воронкообразной форме, а в пределе — к перевернутой букве «Т». В глобальном масштабе это и есть символ «нового мирового порядка»: жесткая вертикаль финансово-паразитической власти с единым правительством, полицией, с одним языком, единообразным воспитанием и образованием для основной массы — «рабов» и с несколько отличным воспитанием и образованием для «слуг» режима — администраторов-менеджеров и совсем другим — для «хозяев». Поскольку я считаю такое развитие событий крайне нежелательным, предлагаю формулировку национальной идеи: возглавить выход человечества из цивилизационного тупика. Это означает формирование принципиально иной — непаразитократической, нефинансовократической цивилизационной модели.

Применим ли в России опыт китайских реформ?

Ю.А. Плакиткин, доктор экономических наук

Около 20 лет я в практическом плане наблюдаю за развитием Китая и за теми особенностями экономического и социального роста, в которых он протекает. Первое, что я хотел бы подметить, — это отношение к нашим специалистам со стороны китайских специалистов. Если на рубеже 1990-х годов в Китай приезжала российская делегация специалистов, то китайские товарищи бежали к нам и протягивали руки,

чтобы с нами поздороваться, то сейчас ситуация ровно противоположная. Китайские товарищи уже не бегут к нам, а стоят и ждут, когда наша группа специалистов подойдет к ним и с подчеркнутым достоинством протягивают руку для рукопожатия. Это такое небольшое наблюдение.

Работая в 1990–2000 гг. в угольной промышленности и имея отношение к реструктуризации этой отрасли, я и группа специалистов столкнулись с проблемой необходимости уменьшения численности работающих шахтеров. Мы решили обратиться к китайскому опыту. Китай — самая большая угольная держава в мире. Она имела определенные достижения в создании так называемых непрофильных производств, организуемых при шахтах. Так вот, мы решили перенять опыт Китая, наложив его на российские условия для реализации в российской угольной промышленности. Когда мы приехали в Китай, то увидели замечательную картину. Возле каждой более крупной и даже не крупной шахты обязательно образовывались серии непрофильных производств, в виде небольших акционерных обществ типа маленьких машиностроительных заводов, хлебопекарен, кожаных и обувных фабрик, и даже доходило дело до фабрик по изготовлению медицинских препаратов. Все это было создано в Китае для того, чтобы семьи китайских шахтеров не были выброшены на улицу, а занимались посильным трудом. В основном это женщины и дети шахтеров. Хотел бы отметить, что такие производства в Китае создавались без всяких прямых финансовых преференций со стороны государства. Государство оказывало поддержку только в налоговой сфере. Никаких прямых затрат и дотаций государства не было. Мы этот опыт изучили и переложили в программу реструктуризации нашей угольной промышленности. Разработали государственную программу. Дали прямые финансовые преференции. Но ничего из этого не получилось, даже с учетом финансовых преференций и принимаемых методов административного регулирования.

В этой связи мною докладчику и был задан вопрос о факторах, которые нас с Китаем не разъединяют, а объединяют, которые могли бы стать толчком к реализации китайского опыта, может, даже не всех элементов реформ, а их частичного ряда. В качестве объединяющего фактора докладчик назвал лишь один — «терпение». Я бы с этим согласился. Может, нам не хватило терпения в проведении реформ? Правда, у нас и китайцев терпение разное. У нас — «терплю, терплю, потом схвачусь за топор» и далее — революция, хаос и экономическая нестабильность. В китайском же менталитете — терплю, терплю, перетерплю... и найду правильное решение.

Самое же главное, когда мы стали детально изучать экономику окружающих шахты предприятий, то обнаружили, что китайский бизнес готов работать при рентабельности от 1 до 5%. Для китайского бизнеса 10% рентабельности — это фактически сверхнормативный доход. Если это условие сравним с российской бизнес-практикой, то отметим, что за 10% наш бизнесмен даже «пальцем не пошевелит». Наверное, только 50–100%-ная рентабельность заставит наш бизнес предпринимать реальные шаги. Наш бизнес самодостаточен, и поэтому он не имеет никакой экономической мотивации выполнять те направления реформ, которые мы в стране провозглашаем. Может, в этом и состоит одна из экономических предпосылок невозможности применения китайского опыта.

Второе, что я хотел бы отметить, — это увеличивающаяся китайская опасность для России. Чем это обуславливается? Не секрет, что сейчас многие экономисты говорят о том, что будущий период развития мировой экономики — это экономика нулевого роста. В этом нулевом росте будут участвовать две крупные экономики — США и Китая, которые уравнивают этот нулевой рост. Это означает, что если одна экономика повышается, то другая должна снижать свои темпы. Допустим, китайская экономика снижает рост. Тогда агрессивность Китая возрастает. Китай в поисках ресурсов для роста своей экономики все в большей степени будет об-

ращать внимание на Россию. Но это же угроза нашим территориальным границам, которая реально существует и которая, как прогнозируют политологи, может реализоваться в 2020–2025 гг.

И, наконец, последнее. Если китайская экономика переходит от экстенсивного к интенсивному пути развития, в который увеличивается производительность труда, то наступает другая парадигма: высвобождаются людские ресурсы Китая, которые также давят на наши границы. Ведь жить китайцем в России легче, чем в Китае, и даже почетно. Однако это опять, только уже в «крепких дружеских объятьях», может отодвинуть наши границы. В обеих ситуациях возникает опасность для России — как при росте, так и падении темпов экономики Китая. Нам ничего не остается, как только как-то изловчиться, «вытащить себя за волосы» и к 2020–2025 гг., встать на инновационный путь развития, сравнившись с уровнем технологического развития Китая.

Нужно производить человеческий капитал

А.Л. Андреев, доктор философских наук

Я хотел бы присоединиться к высоким оценкам доклада. Он крайне интересен. Хотя некоторые вещи вызывают у меня возражение и остались неясными.

В докладе я заметил такую оценку Китая: страна с социально администрируемой рыночной экономикой. Мне не очень понятно, в чем здесь китайская специфика. Вот, например, шведская экономика эпохи шведского социализма — что, она не рыночная и социально не администрируемая? Здесь специфика никакой я не вижу.

Я также не согласен с прозвучавшей у автора в ответе репликой насчет общинности России. Общинность была

когда-то, но ее нет по крайней мере полвека. По уровню индивидуализма наше общество значительно перекрыло уже и Америку. Здесь надо быть очень осторожными в оценках.

Согласен с теми удручающими всех нас выводами о том, что мы находимся в глубоком падении, а Китай — на подъеме. Все правда. Я даже могу к этому еще добавить. В Институте социологии проводился интересный опрос. Брели второй по величине город страны. В Китае это Шанхай, а у нас исследовали Петербург. Задавали ряд вопросов, нацеленных на оценку населением перспективы и правильности проведения модернизации в том ключе, как она сейчас проводится. Если в Китае оценка была позитивной, и население считало, что все так и нужно делать, то у нас разрывы между тем, как делается и как нужно, были очень велики, разница была не на десятки процентов, а в разы.

Тем не менее, несмотря на все эти факты, я не являюсь сторонником идеализации Китая, китайской модели и китайской перспективы. Хотя я и не разделяю расхожих мнений западных политологов, о которых здесь говорилось, что в Китае все должно произойти по тем законам, которые они вывели для самих себя. Если мы мыслим большими категориями, то почему Китаю планировать на 111 лет, почему не заглянуть на 300 лет? Ведь циклы развития Китая очень длительные. Мы видим, что такие периоды, как сегодня, Китай переживал много раз за свою историю — сначала формирование регулируемых рыночных отношений, потом перегрев, социальный конфликт и разрушительная революция. В Средние века Китай терял до половины населения в таких конфликтах. На самом деле я думаю, что у Китая нет таких 111 лет.

Мои собственные впечатления, конечно, не очень глубокие, потому что китайцы люди очень закрытые — они вам будут говорить что-то про Пушкина, но никогда не скажут правды. Однако те обрывки информации, которые можно было получить, свидетельствуют о том, что это очень про-

блемная страна. Уровень коррупции чудовищный и превышает российский. Если у нас я могу прийти в РЭУ и бесплатно взять справку о том, что я там живу и у меня кто-то прописан, то в Китае такую справку бесплатно взять нельзя. Проблем много. И самая большая проблема была здесь обозначена. Амбиции молодежи, которая традиционный уровень уже не воспринимает. Им нужно что-то дать, а взять это неоткуда. Нет такой возможности.

По большому счету китайцы выиграли в одном. Это национально ориентированная элита, которая воспитана длительным развитием цивилизации. Китайское «перетерпеть» — это не только «пахать» за 30 долларов в месяц. Это еще дожидаться нужного момента, консолидироваться. У японцев было так же после Второй мировой войны. Они стали проводить национально ориентированную политику системно, спокойно, но при всей ее неспешности это очень большой плюс. У нас элиты нет никакой. То, что говорят социологи, это никакая не элита.

Я недавно был на 6-м форуме «Большой бизнес России». Слушал наших предпринимателей и особо интересный контингент, который сейчас формируется, — пиарщиков от модернизации. Их реальные проекты — это особая песня. Я вышел оттуда совершенно удрученным. Например, они вдохновенно, с горящими глазами обсуждают как увлекательную творческую задачу изображение М. Прохорова в виде крупнейшего модернизатора России, новатора. Ничего себе задача! И на этом уровне понимаются проблемы! Увы, я думаю, что это не только их мышление. Если администрацию покопать и порасспрашивать, то получится то же, просто они не высказываются, в отличие от наших пиар-технологов.

Последнее, что я хотел сказать. Действительно, идет спад производства. Это, по-видимому, объективный процесс. Он касается и Европы. Но нужно не только уникальные производства развивать. Дело в том, что нынче мировые экономики меняются. Если в начале XX в. лидировали те, у кого

была развита металлургия, тяжелая промышленность, потом электроника, радио и т. д., то потом лидерами стали те, кто стал производить не продукцию, а технологии. Продукцию тоже в каком-то объеме, но в основном технологии. Сегодня нужно *людей* производить, человеческий капитал. На первый план выходит проблема создания комфортной среды для развития образования. Китайцы понимают это и пытаются превратить китайские университеты в мощные комбинаты образования для всего мира. У нас об этом не думают, и никакой стратегии в этой области нет. Кроме ЕГЭ, который никакой стратегией не является. А между тем формирование такой стратегии и ее претворение в жизнь — это, как мне кажется, в значительной степени выход для России в ее нынешнем положении.

Нам не обойти вопрос об идейно-нравственном единении общества

Л.Н. Тимофеева, доктор политических наук

Мне приходилось уже не раз слышать, что надо уйти от «духовного единения, идеологической целостности». Но как же обойти эту проблему? Кроме того, Александр Иванович, в Вашей речи услышала противоречие. С одной стороны, Вы против идеологической целостности, а с другой стороны, употребляете идеологемы, пытаетесь убедить нас в правоте своей позиции. Ведь вот выражение относительно «органического развития» — это тоже идеологема. Она даже может быть представлена как некая цель и явиться сигналом для элиты, общества двигаться в этом направлении не искусственного, а естественного развития.

Нужна ли идеология новой российской модернизации? Вначале о термине «идеология». Предлагаю рассматривать

идеологию не в марксистском толковании как непременно извращенную картину социальной действительности, цель которой — найти оправдание для определенного типа общества в интересах правящей верхушки, а в толковании А. Грамши, который полагал, что идеология — это система связей между абстрактными философскими концептами и политическим миром множества людей. Иными словами, это практическая реализация абстрактных философских систем, разработанных интеллектуалами. Идеология в политике понимается сегодня рядом обществоведов как общее видение того, как должно быть устроено общество, объединяющее разрозненные политические концепты в связную картину с целью (нередко достигаемой) получить поддержку у вдохновленных этими идеями людей⁶. При этом противостояние различных партийных идеологий — неперенный атрибут здоровой демократии, что подразумевает дискуссию, политическую борьбу между различными мнениями о том, как должно быть устроено «хорошее» общество. В этом смысле ученые призывают реабилитировать политические идеологии как важный элемент современного демократического государства в глазах тех, кто хочет исключить их из политической жизни, считая догматическими и тоталитарными образованиями, которые представляют, по их мнению, угрозу демократии.

В связи с этим естественно поднять вопрос об *интегративной идеологии модернизации*. Нам сегодня в России как раз и нужен диалог между различными партиями, партиями и гражданскими объединениями о проекте образа будущего для страны. Иначе мы повторим ошибки периода перестройки № 1, когда без обсуждения с народом, сознательно рушится один идейный ориентир (в том случае — социалистический), и под лозунгом «Нам не нужна идеология» фактически создается другой либертарианский под лозунгом «Обогащайся!».

⁶ См.: Шварцмантель Дж. Идеология и политика / Пер. с англ. Х., 2009.

Не может кто-то один сверху решает судьбу миллионов, не подключая к дискуссии о будущем страны тех, кто живет в ней. Основания же для такой дискуссии есть, есть даже то общее, что объединяет сторонников разных идеологий, — *необходимость равенства возможностей для политических и социальных субъектов в России*. Достаточно взглянуть на программное заявление партии «Единая Россия», программы партий «Справедливой России», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко». В связи с этим уже рождается начало новой интегративной идеологии и идеологемы для страны, которая могла бы содержать среди своих ценностей «равенство возможностей» как минимум. Мне уже приходилось говорить об этом на нашем круглом столе.

Вот почему нельзя полностью отбрасывать идейно-духовную или идеологическую составляющую, которая действительно должны объединять людей в современной России, потерявших и ценностные, и идейные ориентиры развития. Если мы не понимаем, куда идти и что нас объединяет, то мы и не пойдем никуда, так ведь? Я понимаю, что идти в ногу и идти толпой — это разные вещи, но, тем не менее, надо понимать, куда именно идти.

Идеологические миражи — угроза государству и обществу

А.И. Соловьев, доктор политических наук

Я постараюсь высказаться коротко, изложив буквально три тезиса. Действительно, доклад очень содержательный, и предложенный нам перечень эмпирических данных носит удручающий характер. Думаю также, что каждый из нас смог бы еще «огонька добавить» на эту тему. Но чего мне в докладе не хватило? Во-первых, аналитического подхода. Дело

ведь не в том, чтобы показать, кто, где, чего производит, недопроизводит и т. д. Речь-то, как я понимаю, должна идти о тех факторах, которые обусловили эти процессы, и, следовательно, о тех управленческих инструментах, которые могли бы исправить ситуацию, компенсировать те или иные параметры отставания страны. Другими словами, эмпирический поток полностью заслонил оценочный формат доклада.

Поэтому мне представляется, что в докладе можно было бы в большей степени специфицировать, подчеркнуть особый статус политико-административных, государственных структур управления, которые либо чему-то помогают, либо чему-то мешают. А когда все сваливается в одну кучу, получается весьма упрощенная дихотомическая картина: там хорошо, у нас плохо. Это толкает к линейным выводам — давайте возьмем все у них и перетащим к себе. Вряд ли такие рекомендации дадут должный эффект. Правильно профессор Лексин сказал: не то что в странах, в регионах (по сравнению с центром) различные ситуации. Так что автору надо было бы поаналитичнее подходить к вопросу.

Во-вторых, даже при всех ужасных результатах сопоставления уровней и темпов развития наших стран мы должны трезвее смотреть на вещи. Действительно, мы наблюдаем разные ответы на очень серьезные для России и Китая вызовы. Но, сравнивая себя с Китаем, а в равной степени и с Америкой, и с Европой, и с другими развитыми державами и получая при этом достаточно негативные результаты, следует как минимум понять две простые вещи: не только Россия, но и Китай, и Америка, и Европа тоже становятся зависимыми от того порядка, который складывается сегодня во всем мире. Поэтому и эти страны тоже сталкиваются с ограничением своего суверенитета. Просто типы ограничения суверенитета в России и в Америке разного качества. И потому надо смотреть и анализировать, какие и где существуют сегодня механизмы, компенсирующие утрату государственной самостоятельности, где сложились перспективные модели, и

что можно использовать из зарубежного опыта, где какие-то кирпичики, из которых мы можем создать свои адаптивные механизмы. Не забывая, конечно, что при этом надо и строить новое, современное здание государственности, и при этом активно встраиваться в мировые глобальные порядки. А не просто сидеть за бетонной стеной, огораживающей страну от современности.

В этом смысле я категорически не согласен с теми, кто пытается в качестве исходного спасительного звена предложить какие-то инструменты духовного единения общества, обеспечения его идеологической целостности и прочие неинституциональные механизмы. Конечно, в стране есть традиция обращения к такого рода концептам, но неужели не ясно, что это вторичный, нерешающий элемент для нашего нынешнего состояния. Я не против воспитательного фактора, который, конечно же, имеет свой удельный вес во всех общественных трансформациях. Но надо видеть и контекстуальное содержание таких требований, и пределы идейного влияния на сегодняшнего гражданина.

Во-первых, учить и переучивать людей — дело долгое, этим можно заниматься столетиями и десятилетиями, а жить-то надо сейчас. Во-вторых, чему учить? По-настоящему объединяющие общество идеи изложены в Нагорной проповеди и хорошо известны. Кто может — ими и руководствуется. Но если нам предлагают всякие «национальные идеи», «государственные идеологии» и прочие интеллектуальные пузыри (которые изобретаются во множестве кем угодно и когда угодно), можно однозначно сказать, что все они ничему хорошему людей не научат. И потом, кто будет учить, где эти авторитеты, к которым люди могут хотя бы в принципе прислушаться? Духовенство? Так в стране большая часть населения неверующих. Люди, считающие себя «совестью нации»? Так таких «идейных целителей» навалом в любом научном заведении, партии, трамвае и метро (я уж не говорю про сумасшедшие дома и вытрезвители). Как же выбирать среди них?

В этом идеологическом запале и появляются всякие коммунизмы, чубайсизмы и прочие — измы, т. е. такие не перемариваемые оппонентами клише, которые не помогают раскрытию проблемы, а просто уводят ее совершенно в другой дискурс, который ничего не дает для понимания необходимых путей развития. Можно ведь сколько угодно агитировать, показывать свои преимущества, а жизнь при этом будет двигаться по собственным траекториям. Точно так же можно заниматься пиаром и модернизацией, и Сколково, и т. д., а экономическая ситуация при этом ни на йоту меняться не будет.

Если же абсолютизировать все эти «идейные» подходы, то кроме дополнительного политического раздрая из «духовного единения» ничего не получится. И если ревнителей «идеологического обновления» общества, всех «заединщиков» не убеждает логика, пусть они обратятся к истории, пусть вспомнят, что отечественные коммунисты (тоже борясь за крепкое государство) до смерти заучили «пролетарскому интернационализму» чуть ли не 30 млн наших сограждан. В Китае полегло почти 80 млн плохо успевавших в освоении местных идей учеников. И что, хотим взяться за старое? Короче, я призываю оставить в стороне все эти идеологические погрешности и посмотреть на проблемы реально, а не тешить себя какими-то фантомами.

Полностью согласен с Олегом Федоровичем — и это второе, на чем я хотел бы остановиться: что на самом деле все проблемы качественного госуправления упираются в институциональный дизайн, который связывает тех, кто принимает решения, с теми, ради которых эти решения принимаются. При разработке государственной политики многие решения принимаются вынужденно, под давлением обстоятельств, и адекватно (и рационально, конечно) реагировать на их изменения может только система взаимосвязанных организационных структур (учитывая, что действующие в их рамках люди придерживаются соответствующих норм и правил). Так

не бывает, что я вот придумал, к примеру, концепт модернизации или еще чего-нибудь позабористее, и надо это порешать. В том-то и дело, что все эти концепты появляются под давлением и обстоятельств, и неких обладающих ресурсами групп. К примеру, Путин пришел к власти с идеей отвести олигархов в сторону от принятия решений, но на деле — под давлением истеблишмента — сохранил эту модель управления, просто сделав ее менее публичной и поменяв набор бизнес-персон.

Понятно, что элита (как субъект принятия решений) у нас присутствует в полном объеме, и способности у нее есть. Другое дело, что свои способности она реализует не в интересах общества. И все из-за того, что отсутствуют инструменты институционального, обязывающего давления. Поэтому в стране необходимо прежде всего выстраивать каналы, транслирующие интересы населения, каналы представительства гражданских потребностей, механизмы участия и контроля граждан за властью. То есть те институты, которые должны обеспечивать контроль за действиями властей, предавать гласности результаты их профессиональной активности. Возьмите, к примеру, деятельность лужковской администрации, на которую как-то подали в суд, поскольку большинство решений по тендерам (и вообще предполагающих открытый порядок принятия) они осуществляли в закрытом от общественности режиме. Однако примерно из 1500 решений по суду открыли только 200 с небольшим. То есть даже суд в существовавшей тогда в столице политической обстановке ничего не смог сделать. Но будь иным институциональный дизайн — был бы и иной результат.

Наличие должных институтов — это первое условие обеспечения и внешней, и внутренней конкурентоспособности государства. Правда, здесь уже звучали возражения против этого параметра государственности, и это мне глубоко непонятно. Как можно забывать, что государство — это еще и территория жизни для любого реально живущего на земле человека, а не только предмет обожания, гражданской гор-

дости, вместилище традиций и т. д. У нас сегодня, по данным «Левада-Центра», больше 60% населения хотят или готовы уехать из страны. Это из-за чего — из-за отсутствия «национальной идеи» или из-за того, что их здесь за людей не считают? Чтобы ответить на этот вопрос, закройте границу, оставьте людям валенки и галоши, машины местного производства и заставьте их каждый день приходить в местную администрацию, чтобы выразить свой патриотизм. К счастью, людей обмануть сегодня уже нельзя. Для того чтобы люди согласились жить — а не существовать — в этом государстве, их нужно прежде всего уважать, а уважать — это значит слушать их мнение, предоставлять возможности для реализации их инициатив и интересов. Не будет государство это делать — и людей здесь не будет. Или будет другое государство, т. е. другой режим власти, но уже безо всяких идейных обманок и миссионерских замашек.

Я это все говорю к тому, что и потребность в усилении конкурентоспособности государства, и поиск компенсаторов ограничению государственного суверенитета — это не просто реальности наших дней, а это те задачи, которые нельзя решать умозрительным и сугубо идеологическим образом.

И третий момент, о котором я хотел бы сказать, носит более теоретический и методологический характер. В частности, здесь говорилось о переходном состоянии общества как о его линейной характеристике. Мол, переходность — это нечто такое, что находится между некими оконечностями процесса, в который вовлечено общество. Позволю себе возразить, ибо переходность прежде всего является качественной характеристикой, а именно — показателем неорганической связи социально-экономических и государственно-административных, политических структур. Это субстанциональная характеристика процесса, которую нельзя устранить разговорами, что, мол, у нас уже кончилось терпение считать себя переходным обществом, что мы уже такие-сякие и т. д. Отнюдь, вот когда мы добьемся органиче-

ской связи базовых компонентов общественного развития, когда страна будет по-настоящему целостным организмом, тогда и завершится переходный период. Поэтому от автора доклада мне и хотелось бы услышать еще и о маркерах переходности Китая и России, чтобы увидеть характер эволюции этого асинхронного процесса.

Л.Н. Тимофеева:

Я уже не первый раз, я знаю Вашу позицию относительно того, что надо уйти от идейно-духовного обсуждения, от духовной составляющей. Но я в Вашей речи услышала противоречие: когда Вы употребили выражение относительно органического развития — это тоже идеологема. Она даже может быть представлена как некая цель и явиться неким объединением для элиты ли, для регионов ли и т. д. Поэтому, мне кажется, нельзя полностью отбрасывать идейно-духовную или идеологическую составляющую, поскольку идеологема должны как-то объединять людей. Если мы не понимаем, куда идти и что нас объединяет, то мы и не пойдем куда идти, так ведь? Я понимаю, что идти в ногу и идти толпой — это разные вещи, но если куда-то идти, то надо понимать, куда именно.

А.И. Соловьев:

Я с Вами почти полностью согласен, но за исключением двух моментов. Во-первых, я не отрицаю важности идеологии как инструмента общественного развития. Но идеологии в основном касаются гражданского дискурса с властью, т. е. обсуждения вопросов о путях развития общества. В этом смысле речь идет о различных (групповых) подходах той или иной социальной группы, которая предлагает те или иные ориентиры развития. И в этом смысле идеология может окрылять одних людей и провоцировать скепсис у других.

Во-вторых, —и это крайне важно, —несмотря на широкое политическое пространство идеологии, применитель-

но к системе государственного управления она и сужает, и специфицирует свои возможности. Идейное обеспечение социально-экономических проектов максимально приближается к своему прагматическому формату, т. е. старается исключать любые экономически немотивированные действия. И в этом смысле проблемы зачастую возникают на стыке идеологической и рациональной стимуляции действий госинститутов.

Одним словом, для механизмов госуправления речь должна идти не столько о первенстве той или иной идеологии, а о выборе определенной стратегии. Идеология — инструмент публичного дискурса, а для госуправления функцию целеполагания выполняют доктрины и концепции, которые — повторяюсь еще раз — ориентированы на прагматические параметры развития и способны существовать в междеологическом формате. Не забывайте к тому же, что в рамках одной идеологии могут уместиться самые различные стратегии. К примеру, либерализм может совмещать монетаризм и дирижизм, асимметричный и кооперативный федерализм, а также иные весьма различные подходы к форматированию государственной политики. И такой выбор в значительной степени обесценивает собственно идеологическое противоборство относительно общественных приоритетов развития.

Поэтому если мы, рассуждая о направлениях деятельности государства, начинаем преувеличивать роль идеологических инструментов (то есть средств внеэкономической стимуляции), то мы не только перенаправляем социальную энергию управляющих в малопродуктивное русло, но одновременно прикрываем подлинную проблему — выработки управленческих стратегий. Другими словами, когда требования конкретных преобразований заменяются задачами идеологического просвещения, если условием решения реальных задач становятся цели по «укреплению единства», «сплочению», «усилению преданности» и т. д., то эта сторона

идеологической деятельности во многом уничтожает позитивную энергию государства. И при этом насаждает взаимную нетерпимость в обществе.

Думаю, в России стадия острого идеологического противоборства относительно «выбора пути» уже прошла и ее новую волну не нужно искусственно провоцировать. Да и сами идеологии измельчали, превратившись в набор прокламации весьма мелкотравчатых целей. Ведь общественная ситуация прояснилась настолько, что любому здравомыслящему человеку понятно, что необходимы просто рациональные меры, чтобы решать насущные вопросы. Обратите внимание, что даже межпартийные дискуссии в преобладающем числе случаев касаются этих вполне конкретных, прикладных вопросов. Причем по многим из них наблюдается полное согласие оппонентов. К примеру, против коррупции выступают и коммунисты, и демократы, и зеленые, и др. При этом практика показывает, что партии легко меняют свои «принципиальные» позиции в соответствии с мнением государственных руководителей.

Поэтому, с моей точки зрения, идеологизация как программа действий является не чем иным, как инструментом позиционирования маргинальных групп. Или политическим прикрытием для лиц, выражающих свои (антисемитские, ксенофобские, шовинистические, регионалистские и пр.) архетипы. Последнее особенно заметно, когда постановку тех или иных социальных задач определенные силы совмещают с распространением антизападных настроений, раздуванием шпиономании, ненависти к инакомыслящим и мигрантам, когда предлагают придерживаться только «нашей» «общегосударственной идеологии» в пику другой, «не нашей», подлежащей уничтожению. Для меня такие факты являются признаком радикализма и агрессии, с которыми надо бороться всем обществом. Ибо это примеры той вредоносной для общества (я уже не говорю о науке) идеологизации, которая наносит ущерб и обществу, и государству.

С.С. Сулакшин:

Я буду толкать общегосударственную идею. Она существует. И государственная идеология тоже существует.

А.И. Соловьев:

Ну, охота пуще неволи... Хотя, хочу напомнить, что эти сюжеты активно обсуждались в научной среде еще в начале 1990-х, когда активно соперничали мировоззренческие системы, претендовавшие на сохранение своих политических позиций у широких социальных слоев. Однако затем под давлением ситуации, точнее — по мере прояснения сути вопроса, дискуссия сошла на нет. Ведь понятно, что для населения главным является не поиск каких-то идеологических идентичностей, а укоренение в обществе правового порядка (который в едином государстве соединяет инакомыслящих всех мастей) и повышение уровня жизни. А ради этого можно смириться с любым «измом». Сегодня, казалось бы, ситуация вроде не изменилась: мощные миграционные волны, этноконфессиональные и региональные конфликты и т. д. Однако при всем своем драматизме они замыкаются на один знаменатель — на способность государства создать прочные гражданские позиции для каждого человека.

Поэтому если содержательно посмотреть на интеграционную, общегосударственную идеологию, то она будет представлять собой некую универсальную идейную платформу, заточенную под организацию правового порядка и лишенную каких-то групповых предпочтений. Ее-то и идеологией называть можно только условно, поскольку эта идея содержит исключительно рациональные основания сплочения граждан одного государства. В таком случае ее собственно идеологическое противопоставление возможно только нерациональным суждениям и позициям, т. е. позициям радикалов или сумасшедших. Так что здравомыслящих людей не надо убеждать в наличии очевидного, а сумасшедших — бесполезно. Конечно, если под интегративными идеями пря-

чется групповая подоплека, за которую к тому же кто-то готов «отдать жизнь», то такая конструкция направлена не на сплочение, а на внутреннее разрушение общества. Возьмите, к примеру, политический «нашизм» — это прямая иллюстрация такого рода мысли. Но это деление на «наших» и «не наших» страна уже проходила, и миллионы загубленных жизней об этом напоминают.

Так что занятие проблемами интегративной идеологии напоминает мне «танцы мертвецов». Конечно, тот, кто хочет, может дискутировать по этому бесплодному поводу бесконечно долго. Но с точки зрения государственных и общественных интересов нужно минимизировать этот дискурс, который отнимает массу энергии и, самое главное, совершенно бессмыслен. Тем более что, пока мы будем выяснять, какая идеология лучше скрепляет общество, те, кто наверху, будут и дальше делить в свою пользу финансовые, экономические и прочие ресурсы. Мы же в это время будем им аккомпанировать, судача, что русскому человеку не хватает какой-то идеи. А русскому человеку не хватает одного — чтобы государство его уважало и давало бы ему возможность честно работать. Вот чего ему не хватает.

Кстати, то же самое мы видим и в докладе. В основании китайского рывка не лежит никаких сверхвысоких ценностей, которые, как любит говорить Вардан Эрнестович, присущи конфуцианской цивилизации. Просто китайские госменеджеры предложили более эффективную модель управления конкретным государством. А все дискуссии о своих «исконных» и «потосконных» ценностях оставили философам.

С.С. Сулакшин:

А планирование целей и ценностей — это разве не идеология?

А.И. Соловьев:

Ну, если под идеологию подводить любые суждения и оценки, тогда это понятие вообще утрачивает смысл. Если же

говорить по существу, то хочу напомнить (а это альфа и омега теории государственного управления), что совмещение целей и ценностей является при принятии политических (государственных) решений процессуальным актом. То есть подразумевает открытый формат самоосуществления и не может быть предпосылкой этого процесса. Это только в литературе сначала вырабатываются ценности, а потом выдвигаются цели. Но в реальности так никогда не было и не будет. По крайней мере, ни одно государство так не работает. Специфика государственного управления в том-то и состоит, что, несмотря на расхождения во взглядах, ценностях или приоритетах менеджеров, институты власти функционируют, экспериментируя, маневрируя и подыскивая наиболее удачные ходы при решении конкретных вопросов. Но для этого менеджеры не ходят в библиотеку и не выстраивают умозрительных конструкций.

Наша беда — в негодном управлении государством и экономикой

Р.И. Нигматулин, академик РАН

Елена Андреевна, я хотел бы внести уточнение в цифры Вашего интересного доклада. Китай — не третий потребитель нефти в мире, а второй после США. А вот Россия — не второй, как у Вас написано, а какой-нибудь 15 или 20. Потребление нефти Китаем несколько лет назад было 300 млн т, Россия потребляет 120 млн т. Вследствие деградации нашей промышленности мы потребляем всего 0,8 т нефти на душу в год. А в 1980-е годы Россия потребляла около 2 т на душу в год.

Я бы хотел задать вам всем задачку. Я прочитаю некоторые цитаты, а вы подумайте, что это за люди могли такие слова сказать? «За 14 лет ГД промотала все, что князья ки-

евские, цари московские и прочие, а также их сослуживцы доблестные накапливали и скопили за 1000 лет. ГД продала народность, продала веру, продала землю, продала работу». «Из ГД я вышел таким черным, как никогда не бывал. Нужно было пережить всю безнадежность, нелепость, невежественность, никчемность этого собрания, в своем убожестве даже не замечавшего этой своей абсолютной непригодности ни до какого дела, утопавшего в бесконечной болтовне, тешившего самые мелкие тщеславные чувства. Я не назвал бы в мире места с более нездоровой атмосферой, нежели общий зал и кулуары ГД. Это уличная рвань, которая клички позорной не заслуживает». Это были высказывания Розанова и Сергея Булгакова. Вот так говорили наши предшественники о своих государственных органах.

Теперь уже о Китае. Сейчас мы обсуждаем Россия — Китай, это очень интересная тема. Я, конечно, разделяю мнение о том, что у Китая будут проблемы с ростом уровня жизни. Я их и сейчас уже вижу. Я год жил в Китае, потом туда часто приезжал. Я вижу, что дети уже совсем другие — полные, кричащие, капризные. Я слышу эту развращающую громкую и отупляющую музыку. Это все валом идет.

Почти 7 млрд человек сейчас живет на Земле. Примерно 1,7–1,8 млрд живут индустриальной жизнью, за счет индустриальной энергии. Теперь Китай вместе с Индией, составляющие примерно 2,5 млрд человек, внедряется в эту индустриальную жизнь. Это гигантские ресурсы, это гигантские выбросы углекислого газа, с чем мы пытаемся сейчас бороться. Китай за один год, 2006/2007, построил 100 ГВт мощностей энергетики. Общая мощность всех российских электростанций — 210 ГВт! Он несколько лет строил по 60 ГВт в основном угольных электростанций. Вот что такое Китай с его внедрением индустриальной энергии. И вы его не остановите. По моим оценкам, примерно 200–250 млн китайцев живут на нашем индустриальном уровне, около 200 млн живут на бедном уровне, в городах, а около 700 млн — ни-

щие. Попробуйте в эту страну внедрить демократию. Да все, страна развалится. Нищим нельзя давать права управления. Сейчас я уже убежден, что во многих странах, в том числе в странах западной демократии, в России принцип «один человек — один голос» может способствовать деградации нации. Мы видим, как на этом принципе паразитирует «плохая» власть и разрушает производительные силы. У Китая существует партия, которая собирает более или менее активных общественных людей, и с их помощью пытается организовывать позитивные процессы. В Китае это единственный способ. Затраты на науку в Китае составляют 30 млрд долл., а у нас — 3 млрд долларов. 600 тыс. китайских студентов учатся за границей и 60% из них возвращаются на родину.

В чем же наши беды? Как это не покажется банальным, но это совершенно негодное управление государством и экономикой. Это действительно «рвань», по словам наших великих предшественников. Приведу один пример, касающийся российской энергетики, которой руководил самый волевой и напористый менеджер — Чубайс. Он внушил Правительству, что к 2020 г. мы построим 180–220 ГВт новых мощностей, а на самом деле нужно 60, даже если принять те темпы экономического роста, которые были заложены в докризисный 2008 год. Его «коллега» по атомной энергетике Кириенко внушил премьер-министру, что будет построено 32 ГВт атомных мощностей, возможности не превышают 8 ГВт. Страшная оторванность от реального дела, люди не понимают, чем они управляют. Это беда.

Что же будет? Что будет с нашими детьми? Я думаю, что эволюционный путь уже почти невозможен. Скорее всего, будет обвал и хаос, и только после этого что-то начнет выкристаллизовываться. Наша задача заниматься общественным просвещением, чтобы общество освоило правильные идеи и минимизировало потери от хаоса и нашло выход из него.

Заключительное слово докладчика

Е.Л. Андреева

Спасибо. Прежде всего хотелось бы поблагодарить за теплую, душевную атмосферу, которая здесь царила, за бурные отзывы на мой доклад, интересное обсуждение и ценные рекомендации. Это высокая оценка проделанной мной работы с вашей стороны. Все, что я зафиксировала здесь, — это основа для моей дальнейшей работы, обдумывания и осмысления. Это богатейший материал для того, чтобы найти ответ на вопрос: что делать, в каком направлении дальше двигаться?

Теперь несколько слов в заключение. Я хотела бы продолжить мысль Владимира Борисовича. Существует такое исследование отношения в различных культурах ко времени, когда пересечение трех кругов — прошлое, настоящее и будущее — и их размер характеризуют восприятие гражданами страны этих понятий и их отношение между собой. Российский рисунок выглядел следующим образом: три круга, не связанные между собой, причем круги, характеризующие прошлое и будущее, намного больше, чем круг настоящего. Таким образом, мы либо вспоминаем хорошее, но ушедшее прошлое, либо мечтаем о лучшем, но далеком будущем и, к сожалению, мало уделяем внимания текущему настоящему, когда и можно что-то сделать. Мне приходилось в публикациях встречать такие два сравнения. Когда говорят американскому выпускнику, что нужно что-то сделать, он отвечает: «О`кей! Поясните детали». Но когда аналогичное задание предлагают российскому студенту, он говорит: «Этого нельзя сделать, потому что...». И доказывает математическими способами или моделями, как его научили, что этого сделать нельзя. Вот такая разница. Получается, что как бы мы ни хотели, но всегда будет сбавывать эта негласная проекция нашего внутреннего мира. Можно здесь привести в подтверждение высказывание Ключевского, который говорил:

«Россия с ее топями и болотами больше приучила оглядываться назад, искать обходных путей, нежели идти вперед». Это тоже с весов не сбросить. Об этом же говорит и пример Юрия Анатольевича о попытке предоставить людям деньги на угледобывающих территориях. Мы тоже работали с Пермским краем, с Кизеловским угольным бассейном, проводили там мониторинг социально-экономических последствий ликвидации угольной отрасли. Там тоже предоставлялись кредиты уволенным шахтерам на развитие малого и среднего предпринимательства. Все деньги были потрачены, никакого ни малого, ни среднего предпринимательства среди получивших субсидии не возникло. И опять заниматься там этим людям абсолютно нечем. Получается, что есть какие-то наши национальные особенности. Как наше русское слово «надо» не несет никакой ответственности, ни указания — кому надо, зачем надо? А очень часто мы его употребляем. Видимо, у китайцев понимание сопричастности к общему великому делу расставляет все точки над «и»: мы же для себя, для своей страны это делаем. И поэтому китайцам свойственен феномен хуацяо — когда уехавшие из Китая жители вкладывают деньги в развитие своей страны, потому что понимают свою сопричастность к самому главному, к единому общему. В России, к сожалению, люди, которые выехали на учебу, вместе с теми затратами, которые были в них вложены страной на их образование, практически для нее потеряны. Эти высококвалифицированные специалисты развивают инновационные технологии, например, Германии, США, даже получают Нобелевские премии и потихоньку забывают русский язык. А китайцы создают для бывших заграничных стипендиатов условия, выплачивают им гранты, чтобы ученые или студенты вернулись на работу на благо своей страны, да еще привлекают и иностранных специалистов.

И еще несколько слов о конфуцианстве. Мы здесь обсуждали перед началом семинара, что в Китае сохранена могила Конфуция, являющегося личностью близкой и понятной

китайцам. «Есть одно коренное отличие конфуцианства от иудаизма, христианства или ислама, — пишет один из крупнейших исследователей и знатоков этого учения Л.С. Переломов. — Моисей, Христос и Мухаммед были передатчиками высшей воли, исходящей от Бога и Аллаха. Их Слово — Слово Божие, Слово Аллаха. Конфуций же сам творил Слово — то было Слово земного человека...».

Но такие личности были и у нас, а места, где жили эти личности, сохранились до сих пор. Например, Ясная Поляна. Я бы хотела воспользоваться тем, что научным руководителем семинара является Владимир Иванович, надеюсь, что это поможет изменить ситуацию, сложившуюся вокруг Ясной Поляны. Этим летом мы ездили туда. Сотрудники музея-усадьбы, преданные своему делу, выражают большую озабоченность тем, что движение фирменного поезда «Ясная Поляна» временно приостановлено. А в этом месте проводятся уникальные мероприятия. Вот лишь некоторые из них: Международная конференция «Значение культурного наследия для общества», фестиваль народного творчества, семинар по сохранению и развитию отечественной культуры, семинар «Индустрия и креативная экономика», программа «Софья Андреевна. Семейные ценности». Это то, что нам нужно укреплять и внедрять. Я считаю, что таким образом мы внесем практический вклад, и убеждена в огромном значении этого. Если это также будет вкладом нашего семинара — это будет всем на пользу. Спасибо.

**Тематическая программа научного семинара
«Проблемы современного государственного
управления в России» на 2010 г.**

1. О типе современной модели России: реконструкция облика и причинности
2. Процессы формирования правящей элиты в механизмах государственного управления в России
3. Коррупционное и квалификационное «поражение» государственного управления в России: возможные управленческие алгоритмы самоочищения и восстановления кондиций системы
4. Центр и регионы в системе государственного управления: состояние и тренды
5. Проблема научности государственного управления и профессионализма в деятельности российских чиновников
6. Сравнительный анализ государственного управления переходными социально-экономическими системами: Россия — Китай
7. Идеология и структура федерального бюджета России, как отражение социально-экономической модели России
8. Альтернатива современной геостратегии России: выбор между Западом и Востоком

**Список постоянных участников научного семинара
«Проблемы современного государственного
управления в России»**

- Андреев Андрей Леонидович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН
- Багдасарян Вардан Эрнестович**, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса
- Вилисов Максим Владимирович**, кандидат политических наук, заместитель генерального директора Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования
- Воронин Геннадий Петрович**, доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, президент Всероссийской организации качества
- Гаман-Голутвина Оксана Викторовна**, доктор политических наук, профессор Московского государственного института международных отношений МИД РФ, вице-президент Российской Ассоциации политической науки
- Дербин Евгений Анатольевич**, доктор военных наук, начальник кафедры информационной безопасности Военной академии Генерального штаба ВС РФ
- Исаков Владимир Борисович**, доктор юридических наук, профессор, вице-президент ТПП РФ
- Касьянов Павел Владимирович**, доктор экономических наук, зам. руководителя Centre for Change (Австралия)
- Кашепов Алексей Владимирович**, доктор экономических наук, профессор РАГС при Президенте РФ
- Клейнер Георгий Борисович**, член-корреспондент РАН, зам. директора Центрального экономико-математического института РАН
- Клюев Николай Николаевич**, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН
- Лексин Владимир Николаевич**, доктор экономических наук, руководитель научного направления Института системного анализа РАН

- Медушевский Андрей Николаевич**, доктор философских наук, профессор, Государственный университет — Высшая школа экономики
- Нигматулин Роберт Искандерович**, академик РАН, член Президиума РАН, директор Института океанологии им. П.П. Ширшова
- Пащенко Федор Федорович**, доктор технических наук, зав. лабораторией интеллектуальных систем управления Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН
- Плаkitкин Юрий Анатольевич**, доктор экономических наук, зам. директора Института энергетических исследований РАН
- Сильвестров Сергей Николаевич**, доктор экономических наук, профессор, проректор по инновационному развитию Финансового университета при Правительстве РФ
- Соловьев Александр Иванович**, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- Сулакшин Степан Степанович**, доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования
- Тимофеева Лидия Николаевна**, доктор политических наук, профессор РАГС при Президенте РФ
- Федосов Петр Анатольевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН
- Шабров Олег Федорович**, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и политического управления РАГС при Президенте РФ
- Якимец Владимир Николаевич**, доктор социологических наук, кандидат технических наук, главный научный сотрудник Института системного анализа РАН, профессор МФТИ
- Якобсон Лев Ильич**, доктор экономических наук, профессор, первый проректор Государственного университета — Высшей школы экономики
- Якунин Владимир Иванович**, доктор политических наук, научный руководитель Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Научное издание

Сравнительный анализ государственного управления переходными социально- экономическими системами: Россия–Китай

*Материалы постоянно действующего научного семинара
«Проблемы современного государственного управления в России»*

Выпуск № 7 (37)

Ответственный за выпуск *О.А. Середкина*
Художественное оформление *С.Г. Абелина*
Корректор *Л.В. Римова*
Компьютерная верстка *О.П. Максимовой*

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Наш адрес:
107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03,
981-57-04, 981-57-09
E-mail: frpc@cea.ru
www.rusrand.ru

Сдано в набор 21.12.2010 г.
Подписано в печать 28.12.2010 г.
Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 8,5.
Отпечатано в ООО «Типография Парадиз»
Тираж 500 экз. Заказ 000